

ISSN 3033-5795

Новые горизонты русистики

2025

№ 4 (30)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственный секретарь — канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — канд. филол. наук **В. А. Рязанова**, ст. преп. **А. С. Бурляй**.

Члены редколлегии: д-р пед. наук, проф. **Е. В. Архипова** (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, доц. **Е. Л. Ерохина** (Московский педагогический государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышик** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, проф. **И. А. Сотова** (Ивановский государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р пед. наук, доц. **А. А. Штец** (Институт развития образования, г. Севастополь); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology N. V. Gladkaya.

Technical editors — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova**, senior lecturer **A. S. Burlyai**.

Members of the Editorial Board: Doctor of Pedagogical Sciences, prof. **E. V. Arkhipova** (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Bezrukov** (Birsky branch of Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Professor **M. G. Evseeva** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **E. L. Erokhina** (Moscow Pedagogical State University); Doctor of Philology **A. I. Ivanitsky** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Professor **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences); Candidate of Philology, Associate Professor **V. I. Mozgovoy** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); Candidate of Philology **M.N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **M. Y. Sidorova** (Lomonosov Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Professor **I. A. Sotova** (Ivanovo State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **A. A. Shtets** (Institute of Educational Development, Sevastopol); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Candidate of Philology, Associate Professor **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 230-11/2025).

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 125009, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, ул. Тверская, д. 11, стр. 1.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, 283001, г. Донецк. ул. Университетская, 4.
Тел.: +7 856 302 92 33.

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета. Протокол № 15 от

02.12.2025 г.

© Донецкий государственный университет, 2025

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 4 (30)
2025

Содержание

Лексикология и стилистика

Бурляй А. С. Влияние pragматических установок на характер употребления военной лексики в медиатекстах военных корреспондентов	3
Гладкая Н. В. Лингвокультурные особенности языка военных действий в Донбассе	8

Дискурсология и генристика

Ветрова Т. И. Речетворчество в современном публичном дискурсе	16

Словообразование и грамматика

Бровец А. И. Лексикографическое описание графических сокращений: прескриптивный подход	23
Лялюк А. А. Словообразовательный потенциал аббревиатурных наименований современного медиадискурса	28

Методика преподавания русского языка

Станкус Е. Н. Методика составления Ассоциативного словаря Донбасса	34
Лавренчук Е. В., Логвина Е. А. Игровое моделирование как метод развития читательского интереса у младших школьников	39

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Ошайко С. П. Мотив сна в ранней лирике Н. А. Заболоцкого	46
Правила оформления материалов	56

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal

Founded in 2017

№ 4 (30)

2025

C o n t e n t s

Lexicology and Stylistics

Burlyai A. S. The influence of pragmatic attitudes on the use of military vocabulary in media texts by war correspondents	3
Gladkaya N. V. Linguocultural features of the language of military operations in Donbass	8

Discourse and Genristics

Vetrova T. I. Speech creativity in modern public discourse	16

Derivation and Grammar

Brovets A. I. Lexicographic description of graphic abbreviations: a prescriptive approach	23
Lyalyuk A. A. The word-formation potential of abbreviated names of modern media discourse	28

Methods of teaching the Russian language

Stankus E. N. The methodology of compiling the associative dictionary of Donbass	34
Lavrenchuk E. V., Logvina E. A. Game modeling as a method of developing reading interest in youth school students	39

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

Osheiko S. P. The motif of dream in the early lyrics of N.A. Zabolotsky	46
Rules for the design of materials	56

Лексикология и стилистика

УДК 811.161. 1*27

DOI: 10.5281/zenodo.18074537

A. C. Бурляй © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»*

ВЛИЯНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК НА ХАРАКТЕР УПОТРЕБЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В МЕДИАТЕКСТАХ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ¹

Статья посвящена исследованию влияния pragматических установок на отбор и использование военной лексики в медиатекстах военных корреспондентов. Прагматический уровень языковой личности журналиста рассматривается как система мотивов, целей и установок, определяющая стратегии речевого воздействия на аудиторию. На материале теоретических положений, изложенных в исследованиях по языковой личности журналиста, а также на примере анализа медиадискурса Донбасса, показано, как pragматические задачи формируют специфику употребления терминов, эмоционально-оценочной лексики и слов-триггеров в условиях информационного противоборства. Выявлены ключевые механизмы манипулятивного воздействия через лексический выбор, а также дифференциация языкового поведения в официальном и неофициальном дискурсах. Особое внимание уделяется роли новых медиа в трансформации pragматических стратегий и эволюции военной лексики под влиянием технологических и социальных факторов.

Ключевые слова: языковая личность журналиста, pragматические установки, военная лексика, медиадискурс, речевое воздействие, информационная война, военный корреспондент.

В современном медиапространстве, особенно в зонах вооружённых конфликтов, язык становится не только средством передачи информации, но и мощным инструментом психологического воздействия, формирования общественного мнения и конструирования определённой картины мира. Военные корреспонденты, находясь на передовой как реального, так и информационного фронта, выступают ключевыми авторами в процессе презентации конфликта. Их языковая личность, понимаемая как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие речевых произведений» [5], оказывается подчинённой сложному комплексу pragматических установок, обусловленных профессиональными, идеологическими и социальными факторами.

Прагматический уровень языковой личности журналиста (ЯЛЖ) представляет собой систему мотивов, установок и целей индивида, которая реализуется в процессе коммуникации и направлена на достижение определённого эффекта [2]. В контексте военной журналистики эти установки приобретают особую остроту, непосредственно влияя на характер отбора и употребления лексики, прежде всего военной и смежной тематики. Данное исследование ставит целью проанализировать, каким образом pragматические установки военного корреспондента детерминируют использование военной лексики в его медиатекстах, формируя тем самым специфический дискурс, выполняющий как информирующую, так и воздействующую функцию. В фокусе внимания находится взаимосвязь между стратегическими целями коммуникации,

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКР 1023111500001-7).

социально-политическим контекстом и конкретными лексическими выборами в условиях гибридного информационного противоборства.

Структура языковой личности, согласно классической модели Ю. Н. Каурова, включает три взаимосвязанных уровня: вербально-семантический (лексикон), когнитивный (концептосфера) и прагматический (цели, мотивы, установки) [5]. Именно прагматический уровень является системообразующим для речевого поведения журналиста в экстремальных условиях, основной целью его является формирование общественного мнения. Г. И. Богин подчёркивает, что языковую личность можно рассматривать только во взаимодействии с социальной средой, которая формирует её готовность к определённым коммуникативным действиям [1]. Для военного корреспондента эта среда жёстко задана контекстом конфликта, давлением редакционной политики, государственной пропаганды, а также ожиданиями и настроениями целевой аудитории. Таким образом, прагматические установки — это своего рода фильтр, через который проходит как восприятие реальности, так и её последующая вербальная презентация.

Языковая личность журналиста, как указывается в исследованиях, реализует три ключевые коммуникативные потребности: контактоустановливающую, информационную и воздействующую [2; 3]. В деятельности военного корреспондента эти потребности не просто существуют, но и вступают в сложное взаимодействие, часто подчиняясь доминанте воздействия. Информационная потребность удовлетворяется через репортажи с места событий, однако сам отбор фактов, их иерархизация, ракурс освещения и, что наиболее важно, их языковое оформление — всё это подчинено сверхзадаче формирования определённого отношения. Как верно отмечается в исследовании параметров ЯЛ донецкого журналиста, с 2014 года «развернулась и интенсифицировалась информационная война, оказавшая воздействие на появление новых языковых реалий, стимулировавшая журналистов использовать слова и словосочетания, несвойственные употреблению в традиционных медиа» [3]. Это привело к активной семантизации и переосмыслинию военной лексики, которая стала центральным полем прагматических битв.

Прагматические установки военного корреспондента, формируемые под влиянием внешней среды и внутренних профессиональных целей, можно структурировать в несколько взаимосвязанных групп, каждая из которых находит отражение в специфических лексических выборах и стратегиях.

1. Установка на драматизацию или дедраматизацию событий. Управление эмоциональным состоянием аудитории — ключевая задача в условиях конфликта. Для драматизации, необходимой для мобилизации и поддержания высокого уровня внимания, активно используются слова-триггеры. Они создают «эффект повышенного внимания» и демонстрируют оперативность информации [2, с. 78]. В военном контексте это лексемы с высокой семантикой угрозы и насилия: «шквальный огонь», «штурмовые действия», «точечный удар», «разрушения», «жертвы среди мирного населения», «гуманитарная катастрофа». С другой стороны, для описания действий своей стороны часто применяется стратегия дедраматизации через использование бюрократически-нейтральной, технической или эвфемистической лексики: «проведение контртеррористической операции», «активные оборонительные действия», «высокоточное поражение цели», «нейтрализация живой силы противника». Такая лексика выполняет функцию психологической защиты своей аудитории, смягчая восприятие собственных военных действий и представляя их как вынужденные, технически точные и контролируемые.

2. Установка на легитимацию/дегитимацию сторон конфликта. Данная установка является фундаментальной для поляризованного дискурса. Она реализуется

не через прямое оценочное высказывание, а через систему, казалось бы, объективных номинаций. Военная лексика используется здесь как инструмент категоризации, закрепляющий за каждой стороной определённый статус. Так, одна сторона может последовательно обозначать свои войска терминами с нейтральной или сакральной коннотацией: «вооружённые силы», «армия», «защитники», «воины», «подразделения». Для обозначения противника используется иной лексический ряд: «вооружённые формирования», «незаконные вооружённые группы», «боевики», «наёмники», «карательи» (рис. 1)

ВОТ ОДНО ИЗ ОБЪЯСНЕНИЙ ТОГО, ПОЧЕМУ 1/5 МОИХ ПОДПИСЧИКОВ СЧИТАЕТ, ЧТО ИНВАЛИДАМ ВСУ, ВОЕВАВШИМ ПРОТИВ НАС, МОЖНО В ПОСЛЕДСТВИИ ДАТЬ СТАТУС ИНВАЛИДА СВО.

«Почему многие ответили в опросе, что украинские инвалиды ВСУ после войны должны получать такие же льготы, как ветераны СВО.

Чтобы понять ответ на этот вопрос, необходимо отмнотить плёнку немного назад. Куда-нибудь в 2014 год, например. Среднему российскому зрителю объясняли то, что существуют некие хорошие ВСУ-шники и плохие нацбаты. Первых заставили воевать против Донбасса, и они это занятие ещё и саботируют. Вторые преступники и каратели. Эти тезисы распространяемые непрофессионалами пережили следующие 8 лет и укоренились в сознании. Простой россиянин не знает, что добробаты давно стали стержнем ВСУ, что их нет уже с 16 года, что на Украине их идеология стала почти официальной... Время изменилось, а тезис про хороших ВСУшников продолжал и продолжает жить. Настолько, что в него даже вначале СВО верили многие сограждане, включая и многих военных.

Также, с 14 года мы часто слышим, что американцы пытаются переформатировать наших славянских братьев украинцев. Часто можно было также услышать, что безуспешно. С началом СВО про безуспешность говорят меньше, но роль американцев всегда подчёркивается. И, конечно, это правда. Но это только её часть, полуправда. О другой половине правды часто молчат или просто не понимают её.

Где-то рядом находятся и популярные среди правых идеи о том, что украинцы не такие уж и плохие, просто зря против нас решили быть. А так, мы почти одинаковые, многому стоило бы у них поучиться, просто флаги у нас разные...

Поэтому не сильно и удивительно, что 21% опрошенных считает, что инвалиды ВСУ после войны должны жить также, как и ветераны СВО. Если задуматься, то проголосовавших можно понять. Ведь если ВСУшник, который не сильно-то и воевал, является жертвой американцев, которые нас стравили, нашим братом и такой же жертвой Запада, как и ветеран СВО... А во всём это вполне может верить россиянин. Тогда из самых лучших побуждений он может хотеть что ВСУшники получали такую же пенсию, как и солдаты армии РФ. И это, с точки зрения морали, можно даже считать проявлением скорее хороших человеческих качеств, чем плохих. Людей, которые в опросе так голосовали можно понять. Они же не знают, что почти все герои украинских от Белозерской до Коцюбайла давно уже штатные военные.

А вот тех, кто не разбираясь в происходящем создавал абсурдные упрощённые нарративы, принося реальность в жертву идеологии, понять гораздо сложнее».

Я согласен. Если бы эти «без пяти минут ветераны СВО» ворвались бы в ДНР, они бы перерезали нас, как куят. Без вопросов.

https://t.me/Sladkov_plus/8375

Telegram

Сладков +

ОТВЕТ МЕНЯ ОШЕЛОМИЛ!

Я спросил, какими льготами должны пользоваться инвалиды ВСУ (которые воевали против нас) после освобождения Украины и принятия ими гражданства России...

ПЕРЕЙТИ К СООБЩЕНИЮ

8,3K 1K 376 340 160 48

463K 08:22

Рисунок 1

Лексема «карательи», несущее мощный историко-идеологический багаж (ассоциации с фашистскими карательными отрядами), полностью переопределяет восприятие события, формируя у аудитории образ жестокого, антигуманного и исторически враждебного противника. Таким образом, выбор между синонимичными или гипонимичными единицами военной лексики («солдат» vs. «боевик») становится перформативным актом, определяющим моральный статус объекта в глазах реципиента.

3. Установка на формирование образа эффективности/неэффективности и контроля. Эта установка, отмеченная на примере заголовков, восхваляющих работу госорганов ДНР («МЧС разворачивает мобильный госпиталь») [2, с. 77], в военном дискурсе транслируется на образ армии и военного командования. Прагматическая

цель — внушить аудитории чувство уверенности и безопасности. Тексты строятся вокруг лексем, указывающих на успешность, плановость и результат: «поставленные задачи выполнены», «вражеская техника уничтожена на подступах», «нанесён ощутимый урон», «контроль над территорией установлен». Сообщения о действиях противника, напротив, часто строятся по модели хаоса и неудачи: «потерпели поражение», «беспорядочно отступают», «несут значительные потери», «их планы сорваны». Через этот контрастный лексический ряд создаётся устойчивая картина доминирования «своей» стороны и некомпетентности «чужой».

4. Установка на актуализацию и создание эффекта присутствия. В эпоху клипового сознания и высокой конкуренции за внимание военный корреспондент должен убедить аудиторию в уникальности и свежести своего сообщения. Это достигается не только через временные маркеры («только что», «за прошедший час»), но и через выбор динамичной, сенсорно насыщенной лексики, создающей «эффект присутствия»: «рёв моторов», «треск автоматных очередей», «разрывы снарядов», «видео с БПЛА». Такая лексика удовлетворяет информационную и контактоустанавливающую потребности, погружая зрителя или читателя в эпицентр событий и усиливая доверие к корреспонденту как к очевидцу.

Реализация указанных прагматических установок происходит через конкретные лингвистические механизмы, которые А. О. Якель в диссертационном исследовании относит к лексико-семантическим средствам воздействия [6]. В условиях военного дискурса эти механизмы становятся особенно отточенными:

Контекстуальная переориентация и нарушение стилистической сочетаемости: военные термины сознательно помещаются в несвойственный им контекст для создания метафорического эффекта. Например, экономические санкции могут быть названы «финансовым артобстрелом», а политическое давление — «информационной оккупацией». Это расширяет семантическое поле конфликта, милитаризируя все сферы жизни.

Систематическая замена нейтральной лексики на коннотативно окрашенную: это базовый приём формирования оценочных оппозиций, рассмотренный выше («воин» vs. «оккупант»).

Активное использование эвфемизмов и дисфемизмов как инструментов этической дистанции: эвфемизмы («санитарная зачистка», «коллатеральный ущерб») призваны смягчить или скрыть неприглядную реальность, когда речь идёт о действиях своей стороны. Дисфемизмы («разбомбили», «уничтожили», «стёрли с лица земли»), описывая действия противника, усиливают негативную оценку и эмоциональное отторжение.

«Последовательное обращение к таким речевым приемам формирует у аудитории заданное отношение к явлениям окружающей действительности, не позволяет потребителям контента самостоятельно делать выводы» [3, с. 6]. В условиях военного времени этот механизм становится ключевым для мобилизации общественного мнения, консолидации общества вокруг «своих» и дегуманизации «чужих».

Современный медиаландшафт, как показывают исследования языковой личности донецкого журналиста, требует учёта её «параллельного функционирования в официальном и неофициальном дискурсах» [3]. Эта дифференциация напрямую влияет на реализацию прагматических установок и, соответственно, на выбор военной лексики.

В официальном дискурсе (государственные телеканалы, новостные агентства) часто доминируют установки на легитимацию и формирование образа контролируемой эффективности. Это выражается в использовании стандартизированной, иногда клишированной лексики («специальная военная операция», «демилитаризация»),

строгой терминологии и официальных номинаций. Эмоциональность здесь сдержанна, драматизация дозирована и направлена в определённое русло.

Неофициальный дискурс (личные блоги, telegram-каналы, аккаунты в социальных сетях) предоставляет корреспонденту большую степень свободы. Здесь могут актуализироваться иные грани прагматических установок, прежде всего связанные с глубокой контактоустанавливающей функцией. Журналист использует разговорную, жаргонную («мотострелки», «арта», «беспилотник»), эмоционально-экспрессивную и даже грубую лексику. Это создаёт эффект «правды из окопа», доверительного разговора «без купюр», что усиливает убедительность и воздействующий потенциал сообщения. Однако, как справедливо отмечается в исследовании, даже в этом пространстве базовые идеологические и прагматические установки, продиктованные общей средой, обычно сохраняются, лишь меняя форму подачи [3]. Новые медиа, таким образом, не отменяют прагматических задач, а предоставляют для их реализации новые, более гибкие и персонализированные инструменты, требуя от языковой личности журналиста ещё большего прагматического мастерства и адаптивности.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что прагматические установки являются системообразующим фактором, определяющим характер употребления военной лексики в медиатекстах военных корреспондентов. Эти установки, формируясь на пересечении социального заказа, идеологических рамок, профессионального этоса и условий информационного противоборства, действуют как мощный фильтр, через который реальность военного конфликта вербализуется и предъявляется аудитории.

Через стратегический отбор лексических единиц — от формальных терминов до слов-триггеров, эмоционально-оценочных номинаций и жаргонизмов — реализуется комплекс коммуникативных потребностей: не просто информировать, но и воздействовать, легитимировать, мобилизовать, формировать чёткое, управляемое отношение к событиям и их участникам. Военная лексика в медиадискурсе конфликта перестаёт быть нейтральным инструментом номинации и описания, превращаясь в активный, нагруженный идеологическими смыслами компонент прагматической стратегии.

Комплексный анализ прагматического уровня языковой личности журналиста, включая изучение её функционирования в разных типах дискурса (официальном/неофициальном) и под влиянием технологий новых медиа, позволяет не только глубже понять механизмы современной информационной войны и военной пропаганды, но и выработать критический инструментарий для медиаграмотности. Понимание того, как и почему выбираются те или иные слова для описания военных событий, является первым шагом к деконструкции манипулятивных медиатекстов и формированию более рефлексивного и независимого восприятия информации в зонах конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. — Л., 1984.
2. Бурляй А.С. Репрезентация прагматического уровня языковой личности журналиста ДНР в заголовках телевизионных сюжетов // Донецкие чтения 2020. — Донецк: ДонНУ, 2020. — С. 76-78.
3. Бурляй А. С. Параметры определения языковой личности донецкого журналиста // Лексикология и стилистика. — Донецк: ДонНУ.
4. Галепа М. А. Заголовки текстов парламентской журналистики: специфика и функции концептов // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2(48). — С. 119-123.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд.3-е, стереотипное. — М., 2003.
6. Якель А. О. Массово-коммуникационный инструментарий новых медиа в формировании общественного мнения и сознания: дис. ... канд. филол. наук. — Донецк: ДонНУ, 2020. — 165 с.

A. S. Burlyai

THE INFLUENCE OF PRAGMATIC SETTINGS ON THE USE OF MILITARY LEXIS IN THE MEDIA TEXTS OF MILITARY CORRESPONDENTS

The article is devoted to the study of the influence of pragmatic attitudes on the selection and use of military vocabulary in the media texts of war correspondents. The pragmatic level of a journalist's linguistic personality is considered as a system of motives, goals, and attitudes that determine the strategies of verbal influence on the audience. Based on the theoretical principles outlined in studies on the linguistic personality of a journalist, as well as on the analysis of the media discourse of Donbas, the article demonstrates how pragmatic objectives shape the specific use of terms, emotional and evaluative vocabulary, and trigger words in the context of information warfare. The article identifies key mechanisms of manipulative influence through lexical choice, as well as the differentiation of linguistic behavior in official and informal discourses. Special attention is paid to the role of new media in the transformation of pragmatic strategies and the evolution of military vocabulary under the influence of technological and social factors.

Key words: *journalist's linguistic personality, pragmatic attitudes, military vocabulary, media discourse, speech influence, information war, and war correspondent.*

Бурляй Анна Сергеевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Старший преподаватель кафедры русского языка.
E-mail: anna.burlyai@mail.ru

Burlyai Anna Sergeevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Senior Lecturer of the Department of Russian
Language.
E-mail: anna.burlyai@mail.ru

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.18074627

Н. В. Гладкая © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В
ДОНБАССЕ²**

Статья посвящена исследованию корпуса лексики, отражающего как конкретные события военного конфликта на территории Юго-Восточной Украины с 2014 года, так и субъективное восприятие происходящего, что позволяет рассматривать его в качестве важного источника информации для понимания социальной и психологической адаптации населения к условиям военного кризиса. Мониторинг дискурсивного пространства жителей Донбасса позволил установить генезис особого лексического состава, ориентированного на презентацию реалий периода военных действий и сопряженных с ним эмоциональных переживаний. Данное языковое образование характеризуется высокой степенью контекстуальной обусловленности и отражает специфические условия существования населения в зоне конфликта. Анализ семантической структуры формирующихся лексем демонстрирует тенденцию к экспликации травматического опыта и адаптации к изменяющимся социально-политическим обстоятельствам.

Ключевые слова: Донбасс, военный лексикон, региональная идентичность, вооруженный конфликт, вербализация военного опыта, самоидентификация.

С 2014 года территория Юго-Восточной Украины охвачена военными действиями. Правительство Украины, сформированное после событий Евромайдана,

² Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКР 1023111500001-7).

задействовало бронетехнику, артиллерийские системы и военизированные формирования против гражданского населения Донбасса, выразившего несогласие с насильственной сменой власти, политикой дискриминации русскоязычного населения и пересмотром исторических нарративов. Военный конфликт оказал значительное негативное воздействие на население Донбасса. Подобный пролонгированный социально-политический кризис неизбежно влияет на различные аспекты жизни общества, что обуславливает необходимость детального анализа и оценки последствий. Кроме того, данный вооруженный конфликт стал первым продолжительным столкновением, в котором интернет-ресурсы играли столь значительную роль, обеспечивая практически ежечасное освещение и анализ ситуации. Доступность оперативной информации и интерактивная природа онлайн-платформ оказали существенное влияние на восприятие и интерпретацию событий. Различные источники, включая социальные сети, новостные сайты и блоги, предоставляли широкий спектр перспектив, формируя общественное мнение и влияя на ход информационных операций. Использование интернет-технологий в военных целях включает в себя не только распространение информации, но и сбор разведывательных данных, координацию действий и ведение кибервойны. Конфликт в Донбассе продемонстрировал новые возможности и угрозы, связанные с применением Интернета в военных операциях.

В результате последовательного мониторинга коммуникативной среды жителей Донбасса, зафиксировано возникновение специфического лексикона, ориентированного на описание реалий военного времени и связанных с ним эмоциональных состояний. Данный языковой феномен представляет собой формирование особого терминологического аппарата, предназначенного для вербализации опыта, обусловленного вооруженным конфликтом [1]. Обнаруженный корпус лексики отражает как конкретные события и объекты, так и субъективное восприятие происходящего, что позволяет рассматривать его в качестве важного источника информации для понимания социальной и психологической адаптации населения к условиям военного кризиса.

Целью нашего исследования является не нормативное описание языка, а фиксация и анализ живого, травматического языкового опыта сообщества, переживающего вооруженный конфликт. Включение в исследование текстов всех стилей и жанров (художественная литература, публицистика, соцсети, интервью, стихи, и др.) позволяет реконструировать полную языковую картину конфликта в ее субъективном, коллективном и идеологическом измерениях.

В процессе работы были выявлены следующие особенности:

1. Лингвистические особенности.

Конфликтная неология: массивное появление новых номинаций для реалий войны: техники («грады», «буратино» (ТОС-1А), «сотка» (100-мм орудие)), тактики («котел», «прочес»), ролей участников («ополченец», «колорад», «мобик», «добробат», «вата», «укроп» (пейоративы)). Эти термины часто носят жаргонный, образный характер, отражая «взгляд изнутри». Например, **Колорад**, -а, м. В украинской медиапропаганде — приверженец советских военно-исторических традиций (по аналогии с полосами георгиевской ленты). Затем номинация иронически обыгрывалась противоположной стороной конфликта: *Мы ж, наивные, не знали, / Что в героев тут стреляли, / Что простой донецкий ватник / Повредит Сэмэну задник, / Что Луганский колорад / Нам не будетшибко рад* (Katerinka URL: <http://vse-grani.com/viewtopic.php?p=122877&sid=7d01a9c4d16c2322ba78cf77dd814d55#p122877> — 14.09.2014); **Укрóпы**, -ов, мн. 1) Военнослужащие вооружённых сил Украины. 2)

Украинские националисты: *В 14:53 с вертолёта укропы выпустили 12 неуправляемых авиационных ракет калибром 80 мм. по горловскому посёлку Широкая Балка, а уже спустя час с небольшим, в 16:06, с вертолета по Широкой Балке было выпущено ещё 18 таких же ракет* (ТГ-канал «АГС_Русского Донбасса» — https://t.me/Ags_Donbass, **20.07.2022**); *09:03 — Макеевка — продолжается денацификация укропа в районе Аводеевки* (ТГ-канал «Военный Донецк» — <https://t.me/militarydonetsk>, **26.06.2022**).

Семантическое переосмысление: кардинальное изменение значения мирных слов: «аэродром» (место базирования авиации противника как цель), «гостище» (снаряд, мина), «тишина» (отсутствие обстрелов — временное и ценное состояние), «зеленка» (зеленый коридор/маскировочная сеть, а не лекарство), «урожай» (осколки, собираемые после обстрелов). Происходит семантическая милитаризация повседневного лексикона. Например, *Тишина, -ы*, ж. Состояние спокойствия звука, также называется безмолвием, отсутствие обстрелов: *НАД ДОНЕЦКОМ СТОИТ ТИШИНА. ДА ГРОМЫХАЕТ ГДЕ-ТО НА ЗАПАДЕ И СЕВЕРЕ, НО В ЦЕНТРЕ ТИХО* (ТГ-канал «Сводки ополчения Новороссии» — <https://t.me/swodki>, **16.03.2022**); *Разгромим их, вот тогда и наступит настоящая тишина в многострадальном Донецке. Только сегодня ироды из ВСУ убили в Петровском районе четверых мирных жителей* (ТГ-канал «Сводки ополчения Новороссии» — <https://t.me/swodki>, **18.03.2022**).

Эвфемизмы и дисфемизмы: использование смягчающих выражений («на нуле» (на линии фронта), «двуухсотый» (погибший), «трехсотый» (раненый)) и, наоборот, грубых, обесчеловечивающих обозначений противника «колорады» (по цвету камуфляжа), «укроупыри» (военнослужащие украинской армии). Например, *Ўкроупыры, -ей*, мн. То же, что *укропы*: *7 лет назад в эти июльские дни укроупыри весь Луганск накрывали со всего имеющегося оружия* (ТГ-канал «Сводки ополчения Новороссии» — <https://t.me/swodki>, **12.07.2021**).

2. Стилистическая и жанровая полифония.

Фиксируются лексические единицы от высокого стиля в поэзии и прозе («жертва», «память» и др.) до сухого протокольного языка официальных сводок («огонь на подавление», «контузия») и грубого, эмоционально заряженного оконного сленга («черный тюльпан» (транспорт для погибших), «залететь на банду»).

Жанровая специфика:

Художественные тексты: метафоры, символы, развернутые образы (Донбасс как «раненая земля», «уголь — окаменевшая слеза»). Например, «*Донбасс скорбит и хочет мира, Пусть ранен и душа болит... Разрушен дом, детсад, квартира Невинной кровью весь залит*» (Донбасс, Аза-Арусяк Лашёнова — <https://stihi.ru/2018/02/28/10747>, 2018).

Публицистика и соцсети: политические ярлыки, пропагандистские клише, мемы, эмоциональные призывы. Например, на Рисунке 1 представлены европейские политические лидеры в образе младенцев, совершающих акт дефекации, что сопровождается текстом: «Санкции накладывают». Комический эффект в данном случае возникает в результате взаимодействия вербального и визуального компонентов. Прямое значение глагола «накладывать» в контексте абстрактного существительного «санкции» (т. е. «вводить, устанавливать»), вступает в противоречие с его переносным значением, отсылающим к физиологической потребности индивида, что визуально поддерживается изображением. Следовательно, происходит ироническая дискредитация европейской политической стороны [3]. Важно подчеркнуть, что в основе большинства лингвистических игр, построенных вокруг политических лидеров, лежат распространенные общественные убеждения о соответствующих персоналиях. В социальных сетях восприятие президента Украины зачастую сводится к образу

марионетки, управляемой европейскими политическими деятелями. Данная метафора находит отражение и в меметическом пространстве. В частности, на Рисунке 2 Зеленский изображен в виде куклы Лабубу, представляющей собой мягкую игрушку в формате брелока, стилизованную под монстра. Лингвистическая игра, выраженная в каламбурном названии «Зебубу», усиливает комический эффект, одновременно апеллируя к фамилии украинского лидера. Подобные визуальные репрезентации способствуют формированию определенного нарратива в общественном сознании, что согласуется с теорией фрейминга, предложенной Э. Гоффманом [4].

Рисунок 1 (<https://cont.ws/uploads/posts/2275270.jpg>)

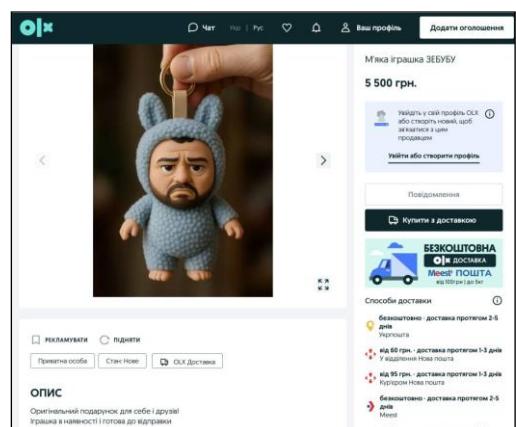

Рисунок 2 (https://cont.ws/uploads/pic/2025/5/photo_139427%4029-05-2025_14-03-25.jpg)

Устные свидетельства (интервью): просторечие, грамматические «неправильности», паузы, междометия, передающие шок и травму.

Документы и военные отчеты: аббревиатуры, термины, канцеляризмы. Например, СВО — Специальная военная операция, БПЛА — Беспилотный летательный аппарат, ПВО — Противовоздушная оборона, ТВД — Театр военных действий и др. *Европа открыто готовится к войне. Любая отсрочка на украинском ТВД — на руку противнику и в его интересах* (ТГ-канал «Сводки ополчения Новороссии Z.O.V. (ДНР, ЛНР)» — <https://t.me/swodki/512193>, 06.08.2025); *Ночью силы и средства ПВО отразили атаку врага по северу Ростовской области, а также в Волгоградской области. Только с 15:00 мск до 20:00 мск уничтожены 48 украинских БПЛА самолётного типа* (ТГ-канал «АГС_Русского Донбасса» — https://t.me/Ags_Donbass/384526, 26.12.2025).

3. Дискурсивные маркеры.

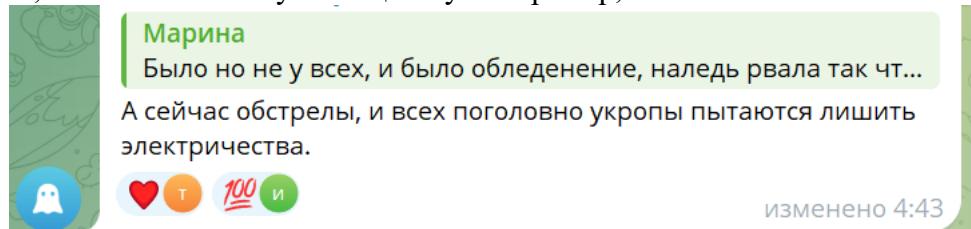
Оппозиция «Свой — Чужой»: лексика жестко кодирует идентичность: «наши», «ребята», «сепаратисты», «нацисты», «киборги» (защитники Донецкого аэропорта). Наименование противника часто лишает его человеческого облика («уроды», «кастриюлеголовые», «хихлы» и проч.). Например, **Хихлы, -ов, мн.** То же, что хохлы — пренебрежительно к 'украинцы': *Хихлы мне регулярно пишут "Щас санкции врубили вам хана"* (<https://www.twuko.com/luhansklove>, 18.03.2022); *Дичь в общем, одни в миграционных до последнего с "понаехавшими хихлами" боролись, вторые боятся чихнуть без бумажки, да и деньги они такие деньги* (ТГ-канал «Сводки ополчения Новороссии» — <https://t.me/swodki>, 17.02.2022); *Если нужно навести суету, залетел, покосил всю посадку, где стоял противник. Машина незаменимая. Противник деморализован, и тогда уже наши ребята заскакивают и делают свою работу*, — говорит механик-водитель БМП-2М с позывным «Дед» (ТГ-канал «Военный Донецк» — <https://t.me/militarydonetsk>, 05.08.2024).

Хронотоп войны: возникают специфические пространственные («подвал», «разрушка», «окраина», «центр») и временные («до войны», «в четырнадцатом», «после

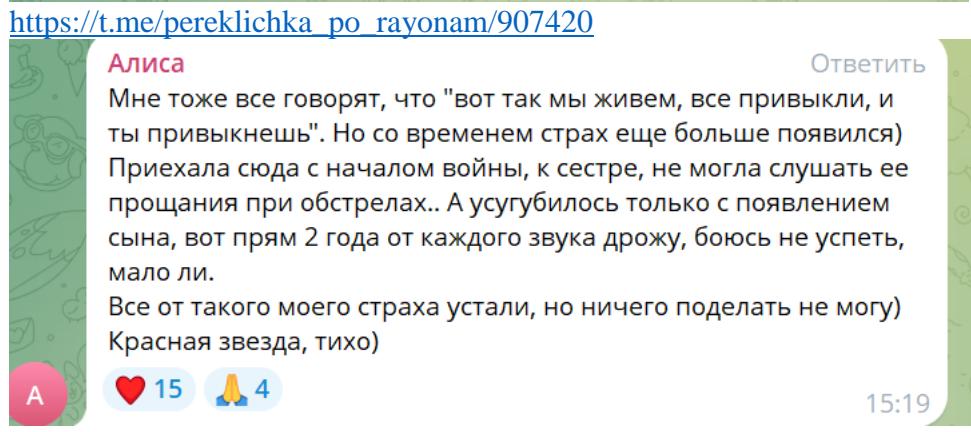
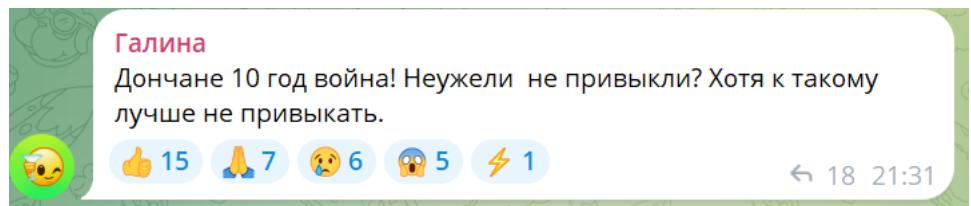
того как пришла война») маркеры. Например, Гвардейка **окраина** три раза бахнуло (ТГ-канал «ПЕРЕКЛИЧКА ПО РАЙОНAM (ДНР, зона СВО)» — https://t.me/pereklichka_po_rayonam, 31.03.2022); У меня в **подвале** и столы припасены. Надеюсь, что доживу , напьюсь и буду песни орать "День Победы" (ТГ-канал «ПЕРЕКЛИЧКА ПО РАЙОНAM (ДНР, зона СВО)» — https://t.me/pereklichka_po_rayonam, 24.07.2025); Это правда! У нас, когда в 2014 году на город заходила украинская авиация работать, так все наши храмы одновременно в колокола били, чтобы люди укрывались! Молодцы священнослужители! (ТГ-канал «ПЕРЕКЛИЧКА ПО РАЙОНAM (ДНР, зона СВО)» — https://t.me/pereklichka_po_rayonam, 18.06.2022).

4. Лингвокультурологические особенности.

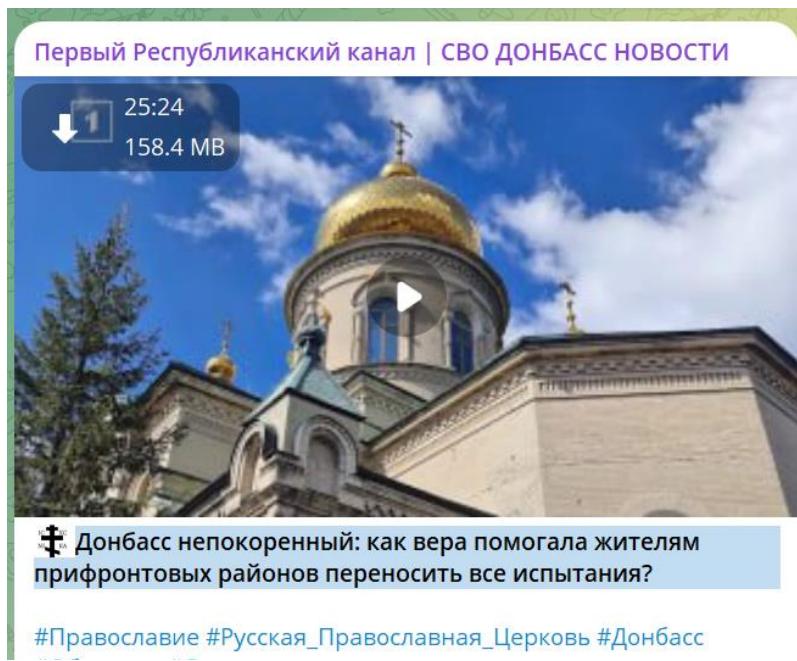
Ключевые концепты: язык фиксирует ядро травматического опыта: «обстрел», «обвалка» (укрепление позиций мешками с песком), «выход/заход» солнца (как время повышенной опасности), «привычка к войне». Эти слова становятся культурными кодами, понятными всему сообществу. Например,

https://t.me/pereklichka_po_rayonam/1185502

Ритуализация языка: определенные выражения («Донбасс непокоренный», «Мы сможем повторить», «Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано») превращаются в ритуальные формулы, скрепляющие коллектив. Например,

#Православие #Русская_Православная_Церковь #Донбасс

<https://t.me/RespTV/64009>

Строка из стихотворения П. Беспощадного под названием «Клятва», а именно «Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано», обрела статус символа сопротивления населения Донбасса в период вооруженного противостояния на востоке Украины. Данное высказывание репрезентирует чувство собственного достоинства и гордости жителей региона, отвергающих саму концепцию управления или подчинения внешнему влиянию. Для значительной части населения Донбасса это трансформировалось из поэтической строки в декларацию личного достоинства. именно эта самоотверженность и гордость донбасского народа стали одной из основных причин, почему конфликт на востоке так долго не может быть разрешен [2]. Люди, которые утверждают, что «Донбасс никто не ставил на колени», не готовы смириться с положением вещей и показать, что они не позволят себя унижать и ударять по их достоинству (Рисунок 3).

Рисунок 3 (https://zavtra.ru/upl/6619/medium/pic_978923a8.jpg)

Мифологизация и героизация: создание пантеона героев и мест («Саур-Могила», «Донецкий аэропорт» и др.), чьи названия обретают сакральный, символический статус, транслируемый через литературу и фольклор. Так, образ «Донецкого аэропорта» стал символом стойкости и героизма для всех защитников Республики. Ожесточенные столкновения за данный стратегически важный объект продолжались на

протяжении почти 35 недель. В условиях непрерывного воздействия вражеского огня, личный состав демонстрировал исключительную выдержку и героизм. Боевые действия в районе донецкого аэропорта имели решающее значение для обороны столицы Донецкой Народной Республики, что подтверждается многочисленными свидетельствами участников и аналитическими отчетами.

https://avatars.mds.yandex.net/i?id=f49049d8f6f17819f23a6535184c7ac5_1-5221353-images-thumbs&n=13

Главная особенность нашего исследования — отражение «войны смыслов». Одно и то же событие или субъект получает диаметрально противоположные номинации в разных дискурсах: «АТО» (Антитеррористическая операция) — «гражданская война» — «отечественная война», «освобождение» — «оккупация», «террорист» — «ополченец» — «защитник» и др.

Мы постарались отразить формирование региональной и конфликтной идентичности. Так, в ходе работы, были отмечены реабилитация локального языка (входят в широкий обиход и литературу диалектизмы, местные топонимы, специфическая донбасская лексика, что становится маркером «особости» и укоренённости), язык становится способом выживания (черный юмор («пошутил» — попал под обстрел), ирония, аббревиатуры — средства психологической адаптации и дистанцирования от ужаса).

Материалы научного исследования могут быть использованы при составлении «Словаря языка гражданской войны в Донбассе», т. к. представленные сведения являются не просто собранием слов, а живым слепком коллективного сознания в экстремальных условиях. Лингвистическая ценность исследования — в фиксации динамичных процессов словообразования, семантических сдвигов и стилистической адаптации языка. Лингвокультурологическая ценность — в документировании того, как через язык конструируются травма, память, идентичность и конфликтующие картины мира, сохраняется их субъективный опыт от идеологического переписывания, превращая язык из инструмента пропаганды в инструмент понимания и памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических взглядов: социально-лингвистический аспект / Л.Б. Внукова, Т.Ю. Власкина // Вестник Томского государственного университета, № 463, 2021. — С. 73–86.
2. Гладкая Н.В. Городские мемы как следствие самоидентификации жителей Донбасса / Н.В. Гладкая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2024. — № 3. — С. 63–73.
3. Гладкая Н.В. Лингвокультурный анализ политических интернет-мемов / Н.В. Гладкая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 5. — С. 60–69. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.16223266>.

4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта /под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — 752 с.

Поступила в редакцию 15.11.2025 г.

N. V. Gladkaya

**LINGUOCULTURAL FEATURES OF THE LANGUAGE OF MILITARY OPERATIONS IN
DONBASS**

The article is devoted to the study of the vocabulary corpus, reflecting both the specific events of the military conflict on the territory of South-Eastern Ukraine since 2014, and the subjective perception of what is happening, which allows us to consider it as an important source of information for understanding the social and psychological adaptation of the population to the conditions of the military crisis. Monitoring the discursive space of Donbas residents has allowed us to establish the genesis of a special lexical composition focused on representing the realities of the war period and the emotional experiences associated with it. This linguistic formation is characterized by a high degree of contextual dependence and reflects the specific conditions of the population's existence in the conflict zone. An analysis of the semantic structure of the emerging lexemes demonstrates a tendency towards the explication of traumatic experiences and adaptation to changing socio-political circumstances.

Keywords: *Donbas, military lexicon, regional identity, armed conflict, verbalization of military experience, and self-identification.*

Гладкая Наталия Витальевна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Associate Professor of the Department of Russian
Language.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Дискурсология и генристика

УДК 81'28 (076)
DOI: 10.5281/zenodo.18074649

Т. И. Ветрова © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. Н. П. Курмакаева)*

РЕЧЕТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье подробно исследуются особенности речетворчества как одного из видов креативной речевой деятельности в условиях сложной социально-политической ситуации Донбасса, на основе материала публичного дискурса Донбасса за последние одиннадцать лет. Определяются понятия публичного дискурса, речетворчества, языковой личности (ЯЛ) и оккционализмов. Анализируя материалы из региональных пабликов, поэтических произведений и обыденных форм коммуникации, автор выявляет и систематизирует ключевые механизмы речевого творческого подхода, такие как семантическая деривация, морфологическое словообразование, оккционализация, метафорическая модель и использование региональных лексических особенностей. В заключении дается вывод о том, что в условиях военного конфликта речетворчество на территории Донбасса выполняет важные функции, связанные с адаптацией к травмирующей реальности, маркировкой «своих» и «чужих», эмоциональной разрядкой и укреплением коллективной идентичности.

Ключевые слова: *речетворчество, публичный дискурс, языковая личность, Донбасс, оккционализмы, языковая игра, региолект, военный конфликт.*

На протяжении последних десяти лет публичная коммуникация обрела статус инструмента, способного оказывать влияние на общественное мнение и на судьбы отдельных людей. В современном мире наблюдается стремительное развитие открытости и публичности, что ведет к увеличению взаимодействия между людьми и одновременно к расширению, а иногда и к неконтролируемости сферы общественной жизни. Система массовой информации активно эволюционирует, пытаясь оказать воздействие на сознание граждан, именно поэтому так важно исследовать возможности публичного дискурса. Публичный дискурс, имея широкую сферу влияния, может создавать неологизмы и отступать от литературной нормы, тем самым порождая популярность таких новообразований и отступлений, что влияет не только на речь людей, но и на их сознание.

За прошедшие десять лет публичная коммуникация превратилась в один из основных инструментов, существенно влияющий на общественное мнение и судьбы отдельных личностей. В современном обществе наблюдается быстрый рост открытости и публичности многих сфер жизни, что способствует укреплению связей между людьми и одновременно расширяет, а иногда и делает неконтролируемым общественное пространство. Массовая информационная система постоянно развивается с целью воздействия на сознание граждан, что делает особенно важным изучение возможностей публичного дискурса.

В исследовании Ю. В. Рождественского «Теория риторики» подчеркивается, что публичная речь является источником языковых новаций, которые постепенно проникают в повседневный лексикон [8, с. 58]. Это мнение разделяет и В. И. Карасик в своей монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», утверждая, что публичный дискурс отражает реальность, даже конструирует ее, формирует новые смысловые области и трансформирует ценностные ориентиры общества [3, с. 79]. Современные медиа ускоряют языковые изменения, то есть новые слова из публичного

пространства за короткое время получают широкое распространение, а элементы, отклоняющиеся от литературных стандартов, нередко закрепляются как новые нормы. Таким образом, публичный дискурс выступает как отражение социальных трансформаций и в то же время как активный участник процессов развития языка.

Более десяти лет длится существование Донбасса в условиях непрерывного военно-политического кризиса, который выступает фактором трансформации всех аспектов жизни общества, в том числе и языковой сферы. Радикальные перемены социальной реальности проявляются и в речевых практиках ее жителей. Традиционная шахтерская тематика, характерная для региона, отошла на второй план, уступив место темам войны и борьбы за выживание. Настоящее исследование направлено на изучение феномена речевого творчества в публичном дискурсе Донбасса, выявление и систематизацию его основных механизмов и функций.

Под понятием публичного дискурса в рамках данной работы подразумевается форма социальной коммуникации, представленная через открытые каналы, рассчитанные на массовую аудиторию. Такие как средства массовой информации, социальные сети (сообщества, телеграм-каналы), художественную литературу (включая поэзию), а также в народной речи. Т. Б. Радбиль назвал язык СМИ «лабораторией инноваций» русского языка в его письменной разновидности [1, с. 11].

В ряде изученных нами научных источников речетворчество понимается как «деятельность, связанная с самореализацией личности, в качестве личности языковой на вербально-семантическом, когнитивном, мотивационно-прагматическом уровнях» [6, с. 1414]. Речетворчество охватывает практически все современные области использования языка: это видно, как в повседневных разговорах, так и в научных статьях, а также, разумеется, в контексте публичных выступлений. Индивид, использующий свой родной язык в устной или письменной форме, невольно вносит в свои высказывания творческие нотки. Творческая позиция носителя языка способствует его эволюции и совершенствованию на всех уровнях, придавая ему выразительность, новизну и соответствие современным реалиям [5, с. 193].

Речетворчество случается и в науке, особенно со словами, набирающими большую популярность в каком-либо ее сегменте. Например, слова *абьюз*, пришедшее в русский язык из английского *abuse* — оскорбление. Русскоговорящие люди быстро приспособили слово, придумав его вариации — *абьюзер*, *абьюзить*. Абьюз означает насилие, психологическое или физическое. Человек, применяющий его, называется *абьюзером*, и его действия по отношению к тому, на кого он применяет насилие называет *абьюзить*. Например: *Мой парень постоянно абьюзит меня, я хочу разорвать отношения с ним* [9, с. 8]. Любопытно, что, начинаясь как сленговый тренд, слово *абьюз*, *абьюзить*, легко вошли в речь профессиональных психологов, и вот уже на их публичных выступлениях, в интервью, мы можем услышать эти слова. *Если вас абьюзят, нельзя это терпеть, нужно выстраивать личные границы и давать отпор* [9, с. 5].

В условиях военного конфликта речевое творчество помогает в осмыслении ситуации, адаптации к новым условиям.

Речетворчество неотъемлемо связано с понятием «языковая идентичность». Языковая личность (ЯЛ) представляет собой совокупность когнитивных и личностных характеристик человека, определяющих его способность создавать и воспринимать речь [8, с. 40]. В контексте Донбасса выделяется региональная языковая личность, сформированная уникальными особенностями промышленного региона, насыщенного субэтническим самосознанием, продолжительным билингвизмом (русско-украинским взаимодействием) и опытом жизни в постоянном военном конфликте. Как отмечает А. Н. Леонтьев, «чем более агрессивной является

окружающая среда и чем более значимо ее влияние на качество жизни человека, тем ярче проявляются языковые реакции» [5, с. 217]. В данном контексте речетворчество можно рассматривать как форму реагирования, инструмент адаптации и средства самовыражения ЯЛ. При этом важно различать устоявшиеся неологизмы, вошедшие в повседневное употребление, и окказионализмы, то есть авторские новообразования в публичном дискурсе.

Речетворчество в современных условиях проявляется в различных формах и форматах, особенно в медиа и цифровом пространстве. Современный мир дает много возможностей для творчества, что не исключает творчество в речи.

В новостных заметках и репортажах журналисты активно используют креативный подход, чтобы привлечь внимание аудитории, а также постараться сделать информацию более запоминающейся, яркой и эффектной. Что отлично просматривается в различных формах, начиная с оригинальных и провокационных заголовков, которые способны сразу же вызвать интерес у читателя и побудить его к прочтению статьи. Кроме того, журналисты применяют метафоры. Используя метафоры, авторы передают атмосферу события, делают его как бы более живым, понятным для читателя.

Например, интересным для молодежи является заголовок статьи из журнала TOPBEAUTY *Погода в апреле минус вайб* [9, с. 6]. *Минус вайб* это выражение от слова *вайб* — *vibe*, то есть атмосфера. В русскоязычном контексте данное иностранное слово, вступив в сочетание с лексемой *минус*, приобрело новый смысл — ‘испорченное настроение’.

Игра с языком, использование юмора и неожиданных сравнений также способствует тому, чтобы читатель не просто пролистал страницу, а надолго запомнил прочитанное. Если автор в СМИ придумывает новое слово, которое откликается читателям, то его публикация становится более запоминающейся и выгодно выделяется на фоне публикаций конкурентов. Поэтому в современных СМИ речетворчество играет на руку журналистам, их речь должна производить эффект не меньший, чем при публичном выступлении. «Языковая игра способствует привлечению внимания к форме текста, снижению напряженности общения и делает его менее формальным» [1, с. 69].

Речетворчество в социальных сетях также не менее интересно для рассмотрения. Платформы, такие как Instagram, Twitter и TikTok, занимают главенствующие роли в современном Интернет-пространстве, способствуя быстрому обмену информацией и самовыражению. Они проявляют себя настоящими аренами для творчества, где пользователи делятся своими мыслями, взглядами и креативными идеями в удобных для них форматах.

В особенности уникальный контент, который создают пользователи, включает в себя изобилие видов произведений — от остроумных мемов до креативных видеороликов, в которых соединяются юмор, важные социальные комментарии и просто повседневные ситуации. Этот контент информирует, развлекает, помогает находить общий язык и объединяться в рамках глобальных сообществ по интересам.

В этом контексте речетворчество особенно ярко проявляется в том, как язык взаимодействует с визуальными и аудиовизуальными элементами. Например, в TikTok пользователи умело комбинируют текстовые лозунги, музыкальные треки и визуальные эффекты, создавая запоминающиеся и эмоционально насыщенные сообщения, которые легко распространяются и становятся вирусными. Формат коротких видео настолько популярен среди современных людей, что удачные примеры речетворчества становятся вирусными, то есть популярными. Некоторые видеоролики набирают миллионы просмотров, и тогда примеры речетворчества входят в обиход молодежи.

Например, одним из последних новых слов в сети является *стрелочница* — девушка, которая ведет себя агрессивно и готова к драке. *Не лезь к ней, она стрелочница!* Так же примером речетворчества из сети можно привести слово *лпшка*, образованное от словосочетания лучшая подруга. Молодые люди активно используют это слово, чтобы показать значимость своих дружеских отношений. *Мы с Настей лпшки уже двенадцать лет* [10, с. 5].

То есть, социальные сети не просто площадки для общения, но и каталоги культурных тенденций, новых форм искусства и даже инструментов для общественного взаимодействия. Речетворчество здесь становится настоящим искусством, позволяющим каждому выразить себя и наладить связь с широкой аудиторией.

Процесс речетворчества базируется на использовании сложной системы языковых инструментов. В русской лингвистической традиции выделяются основные подходы, способствующие расширению лексического запаса и расширению смысловой палитры речи, рассмотрим их на примерах слов, связанных с военной тематикой:

Морфологическая деривация: создание новых слов от существующих основ с помощью аффиксов (суффиксов, префиксов), сложения, аббревиации (*мобик* от мобилизованный, *птурить* от ПТУР).

Семантическая деривация: приобретение существующим словом нового значения через метафору (перенос по сходству) или метонимию (перенос по смежности). Это один из самых продуктивных способов в условиях быстрых социальных изменений [4, с. 57]. Например, в поэзии: «*Они присылают деньги от родины, / которая не забыла, / по крупицам, / деньги на хлеб и “птиц”*» (А. Ревякина), где «птицы» — это беспилотные летательные аппараты.

Окказионализация: создание индивидуально-авторских, ситуативных слов и выражений, которые могут как оставаться единичными, так и закрепляться в речи: *Это наши угледарят; хватит уже свокать.*

Универбализация: сжатие словосочетания в одно слово (*гуманитарка* от гуманитарная помощь/снаряд).

Языковая игра: намеренное нарушение языковых норм, создание противоречивых сочетаний, каламбуров для достижения экспрессивного, юмористического/иронического эффекта: «*Под Авдохою Димка Филиппов / роняет Горыныча Змeya*» (А. Ревякина), где Авдохой названа Авдеевка, а Змеем Горынычем — ракетная установка.

Эти механизмы, активизация которых происходит в условиях экстремальной социальной ситуации, послужили фундаментом для возникновения яркого и масштабного явления речевого творчества в публичном дискурсе Донбасса. Изучение материалов (региональные интернет-сообщества «Военный Донецк», «АГС», сборники поэзии, повседневное взаимодействие) дает возможность систематизировать речетворческие практики, выявляя доминирующие механизмы их формирования.

Семантическая деривация и переосмысление лексики. Наиболее масштабный пласт, где обычные слова приобретают военную семантику.

Бытовая лексика: *прилеты/отлеты, входящие/исходящие, плюсы/минусы* (прибытие/отбытие снарядов); *птички* (самолеты, вертолеты); *подарки, пламенные/горячие подарки* (снаряды, мины); *ответка* (ответный удар); *насыпают* (интенсивно обстреливают).

Административно-бытовая лексика: *пенсионный туризм* (вынужденные поездки за пенсий); *тудатки и обратки* (перемещение через блокпосты); *релокация* (вынужденный переезд).

Культурная и оценочная лексика: *бахи* (звуки артиллерии, от Баха); *концерт, оратория канонады* (артобстрел); *солировать* (вести активный бой); *аргументы и факты* (звуки боя, игра на названии газеты). Термин *денацификация* претерпевает изменения, превращаясь в синоним боевых действий, воспринимаемых на слух звуки *денацификации* и зрительно *огненная денацификация*.

Морфологическая деривация и окказионализмы.

Суффиксация и префиксация: *угледарят* (наносят удар); *плюсануло, гупнуло, жахнуло* (о взрыве); интербригада «Пятнашка»; украинские «небратья»; «раздупляторы».

Усечения, аббревиация и производные от них: *ополчи* (ополченцы), *мобики* (мобилизованные); *сепары, арта, ЧВКиники/вагнеровцы/музыканты* (бойцы ЧВК); *птурить* (уничтожать из ПТУР).

Окказиональные образования: глагол *свокать* (производное от СВО с неодобрительным смыслом ‘называть войну непонятным словосочетанием’), *бабах-мобиль* — название боевой машины кустарной доработки и др. Эти примеры являются ярким примером авторской критической рефлексии через словообразование.

Языковая игра: метафоры, оксюмороны, ирония. Данный прием служит для создания эмоционально-когнитивного эффекта, дистанцирования от ужаса войны через юмор и парадокс.

Метафоры-перифразы: *ковры выколачивают, сваи забивают* (работа артиллерии); *звуки покоса укрона* (уничтожение противника, от уничтожительного *укрон*); *гидрометцентр прогнозирует град* (предстоящий обстрел).

Оксюмороны: *дружественный огонь, пламенные подарки* сочетают семантику положительного отношения и разрушения, создавая горько-ироничный эффект.

Иронические переименования: *укропы* (украинцы, сторонники Украины), *вата/ватники* (пророссийски настроенные). Эти антонимичные пары четко маркируют оппозицию свой – чужой.

Активизация регионализмов и просторечия. Местный колорит в описании войны присутствует с самого начала военного конфликта в Донбассе.

Региональные глаголы-звукоподражания: *бумкает, гупает* (о взрывах и пролете снарядов).

Просторечные номинации: *передок* (передовая), *мирняк* (мирное население), *тушиняк* (тушенка), *штурмануть*.

Фразеологизация и создание устойчивых формул. Коммуникация порождает клише, мгновенно узнаваемые в сообществе.

Октябрьский/Горняк/Петровка принял (о начале обстрела в районе).

Приняли — отвечают (формула перестрелки).

Тихо/громко (о текущей обстановке).

Художественная литература, особенно поэзия, выступает отражением социальной реальности и ярким источником речетворчества. В стихотворных произведениях донбасских авторов отображаются и осмысливаются те же процессы, что и в спонтанной сетевой коммуникации, что, безусловно, подчеркивает тесную связь между культурным наследием донецкого края и актуальными формами коммуникации.

Поэтический текст придает высокий, иногда трагический статус окопным неологизмам. Стихотворение Вадима Десятерика «Гамаюн» вводит в поэтический оборот сухие армейские слова: *Трехсотый очень близок к грузу 200*. Цифровые коды 300 (раненый) и 200 (погибший) символы близости смерти.

В стихотворении Марка Некрасовского «Кровавая пыль» слово *пыль* подвергается радикальной семантической деривации: *Эта пыль под ногами. Кровавая пыль // Это*

все, что осталось от нас после боя. Бытовое понятие становится символом уничтожения, праха.

Поэзия часто обыгрывает и заостряет идеологически ангажированную лексику, используя ее для создания драматизма. Нина Дернович использует антонимическую пару *укроп» — вата*, снимая ее оценочность и подчеркивая трагедию братоубийственного конфликта: *Пусть колорады зовут нас, ватники, // Но горько — лучших не досчитаемся.* Здесь речетворчество служит выражению общей утраты.

В стихотворении В. Русанова шахтерская лексика *забой, пласт, обвал, штыбы* проецируется на реалии войны, создавая эффект того, что война для Донбасса — это продолжение работы в смертельно опасных условиях.

Поэзия также принимает в себя новые речевые конструкции, появившиеся в связи с военной ситуацией, благодаря чему мы видим, что творчество, в частности литература, отражает окружающую человека реальность.

Функции речетворчества в условиях конфликта.

Анализ примеров позволяет выделить функции исследуемых примеров речетворчества:

- адаптационно-освоительная: переименование страшных явлений (*снаряды — подарки*) делает их психологически более переносимыми, «встраивает» войну в привычную жизнь;
- идентификационно-разграничительная: четкое лексическое разделение на своих (*наши, ополченцы*) и чужих (*укропы, нацисты, ВСУ*) сплачивает население;
- экспрессивно-эмоциональная языковая игра, ирония, оксюмороны служат формами эмоциональной разрядки, психологической защиты, позволяют сохранить субъективность и чувство юмора в нечеловеческих условиях;
- компрессивная (экономия речевых средств): универсализы и аббревиатуры (*арта, БПЛА, гуманитарка, мобик*) позволяют оперативно и емко передавать сложные понятия;
- креативно-гносеологическая: речетворчество становится способом коллективного познания и осмысливания новой реальности, инструментом создания языка для явлений, которых раньше не было в культурном опыте.

Публичный дискурс Донбасса за последние одиннадцать лет успел стать уникальной площадкой для живого, спонтанного и высоко креативного речетворчества. Региональная языковая идентичность, оказавшись в условиях длительного военного конфликта, не подвергается деградации, а, напротив, проявляет поразительную активность, вовлекая весь спектр языковых средств, от семантических смешений и морфологических образований до сложных языковых игр и окказионализмов. Данное речетворчество выполняет функцию обогащения лексикона, но также играет важную социально-психологическую роль, а именно способствует адаптации, формированию идентичности и эмоциональному выживанию. Оно показывает, каким образом язык превращается в инструмент сопротивления, рефлексии и утверждения человеческого достоинства в условиях бесчеловечных реалий. Специфика донбасского речетворчества подтверждает гипотезу о том, что в более агрессивной среде языковая реакция становится еще более изощренной и экспрессивной, сохраняя иронию, метафоричность и глубокую связь с коллективными ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активные процессы в русском языке новейшего периода : учебное пособие / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацбурская и др. / под ред Т.Б. Радбилия. — Москва: ФЛИНТА, 2022. — 232 с.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. — М. : Наука, 1992. — 245 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва: Гнозис, 2004. — 390 с.

4. Курмакаева Н.П. Региональная языковая личность Донбасса: опыт обобщенного лингвоперсонификации / Н.П.Курмакаева // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сб. докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, филиал ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», 23-26 октября 2019 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец и др. — Брянск: ООО «АВЕРС», 2019. — С. 56–62.
5. Леонтьев, А. Н. Психология общения / А. А. Леонтьев. — М. : Смысл, 2019. — 193 с.
6. Никулина Т. Г. Понятие «речетворческая деятельность» в современной научно-методической литературе / Т.Г. Никулина // Известия Саратовского научного центра Российской академии наук. Т. 14. № 2 (6). — 2012. — С. 1412–1415.
7. Рихтер Г. И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г. И. Рихтер. — Сталино: Сталинское обл. изд-во, 1958. — 30 с.
8. Рождественский, Ю. В. Теория риторики : учеб. пособие / Ю. В. Рождественский. — 4 е изд., испр. и доп. — Москва : Флинта : Наука, 2021. — 58 с.
9. Слышик, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г.Г. Слышик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышика. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 38-45.
10. Шемякин А.Р. Молодежное речетворчество // Словарь молодежного сленга. 2025. №3. URL: <https://vc.ru/id4789204/1915052-slovar-molodezhnogo-slenga-2025> (дата обращения: 08.05.2025). — С. 5-10.

Поступила в редакцию 17.11.2025 г.

T. I. Vetrova

SPEECH CREATIVITY IN MODERN PUBLIC DISCOURSE

This article provides a detailed examination of the features of speech creativity as a form of creative verbal activity within the complex socio-political context of Donbas, based on material from the public discourse of Donbas over the past eleven years. The concepts of public discourse, speech creativity, linguistic personality, and occasionalisms are defined. Analyzing material from regional online communities, poetic works, and everyday forms of communication, the author identifies and systematizes the key mechanisms of creative linguistic approach, such as semantic derivation, morphological word formation, occasionalization, metaphoric modeling, and the use of regional lexical features. In conclusion, it is stated that under conditions of military conflict, speech creativity in Donbas performs important functions related to adaptation to traumatic reality, marking "us" and "them," emotional release, and strengthening collective identity.

Keywords: speech creativity, public discourse, linguistic personality, Donbas, occasionalisms, language play, regiolect, military conflict.

Ветрова Татьяна Ивановна.

Донецкий государственный
университет, г. Донецк, РФ.
Студент.

E-mail: luchkina_tanya0306@mail.ru

Vetrova Tatiana Ivanovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Student

E-mail: luchkina_tanya0306@mail.ru

Курмакаева Нина Петровна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Kurmakayeva Nina Petrovna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Словообразование и грамматика

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.18074677

А. И. Бровец © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ: ПРЕСКРИПТИВНЫЙ ПОДХОД³

В статье рассматриваются принципы прескриптивного описания графических сокращений в русском литературном языке на материале Словаря графических сокращений государственного языка Российской Федерации, созданного на кафедре русского языка Донецкого государственного университета. Подчеркивается отсутствие в современной лексикографии нормативных словарей сокращений и обосновывается необходимость прескриптивного подхода к описанию единиц данного типа. Раскрываются ключевые принципы формирования словарника — нормативность, стилистическая ограниченность и единообразие написания, а также стратегии выбора единственного нормативного варианта при наличии вариантности. Показано, что отбор и фиксация сокращений осуществляются с опорой на действующие орфографические, грамматические и стилистические нормы, традицию употребления и требования государственных стандартов.

Ключевые слова: *графическое сокращение, прескриптивная лексикография, нормативность, литературный язык, словарь сокращений, кодификация языка.*

Среди существующих словарей сокращений нет ни одного, который имел бы статус прескриптивного. В связи с этим среди прочих перед созданным на кафедре русского языка Донецкого государственного университета Словарем графических сокращений государственного языка Российской Федерации стояла задача определения принципов прескриптивного описания единиц данного типа, определения тех зон их функционирования, которые требуют оценки с точки зрения норм литературного языка. Поскольку словарь носит нормативный и предписывающий характер, слово в нём фиксируется и описывается с опорой на современные орфографические, грамматические и стилистические правила. Принцип нормативности был положен в основу формирования словарника: в него вошла лексика, относящаяся к литературному языку и преимущественно используемая в книжной и официально-деловой речи. Задачам нормативности и прескриптивности соответствует также принцип единообразия написания, положенный в основу словаря. Реализация данного принципа в ряде случаев достигалась путём устранения вариантности и закрепления за словом единственного нормативного написания. При этом выбор конкретного варианта в некоторых случаях определялся различными стратегиями: в одних случаях — стандартными правилами сокращений, в других — сложившейся традицией их употребления, а также логикой и требованиями государственных стандартов (ГОСТов), находящихся в нашем распоряжении. Орфографическое написание слов в словаре при этом дается в соответствии с данными «Русского орфографического словаря» под редакцией В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой, работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

³ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКР 124051400024-1).

При лексикографическом описании сокращений в русле прескриптивного подхода необходимо учитывать некоторые правила сокращений, основные из которых могут быть сформулированы следующим образом.

Сокращению подлежат различные части речи. Для всех грамматических форм одного и того же слова применяют одно и то же сокращение, независимо от рода, числа, падежа, лица и времени. Нормативным считается использование общепринятых сокращений.

Сокращение осуществляется посредством усечения, стяжения или комбинированного способа. Вне зависимости от способа при сокращении должно оставаться не менее двух букв. Примеры: *институт* — *ин-т*, *типография* — *тип.*, *школа* — *шк*. Сокращение слова до одной начальной буквы допускается только для общепринятых сокращений и отдельных слов. Примеры: *век* — *в.*, *год* — *г.*, *карта* — *к.*, *страница* — *с.*

Слова сокращаются, как правило, после согласной буквы. Примеры: *год*, *город* — *г.*, *тот* — *т.* Встречаются сокращения и после гласной буквы — первой буквы слова. Примеры: *авторский лист* — *а. л.*, *остров*, *отец* — *о.*

В конце сокращения обычно ставится точка. Точку не ставят, если сокращение образовано стяжением и сокращенная форма оканчивается на ту же букву, что и полное слово. Примеры: *издательство* — *изд-во*. Точку не ставят также при сокращении слов, обозначающих единицы величин по ГОСТ 8.417. Примеры: *килограмм* — *кг*, *центнер* — *ц*, *грамм* — *г*, *киловатт* — *кВт*, *километр* — *км*, *сутки* — *сут*, *минута* — *мин*, *час* — *ч*. Так же пишутся сокращения *млн* (миллион) и *млрд* (миллиард).

После удвоенных букв (как правило, обозначающих множественное число) точка ставится только один раз. Примеры: *века* — *вв.*, *годы* — *гг.*, *листы* — *лл.*, *пункты* — *пп.*

Если сокращение оканчивается группой согласных, точка обычно ставится после последнего из них. Пример: *иностранный* — *иностр.*

В графических сокращениях используются также знаки дефис и косая черта. Опускаемая средняя часть слова в сокращении обозначается дефисом. Примеры: *библиотека* — *б-ка*, *гражданин* — *гр-н*, *район* — *р-н*, *факультет* — *ф-т*.

Дефисом соединяются также первые буквы частей сложного слова. Примеры: *железнодорожный* — *жс.-д.*, *сельскохозяйственный* — *с.-х.*, *социал-демократ* — *с.-д.*; в этих случаях после каждой из букв в составе сокращения ставится точка.

Косолинейные сокращения употребляются вместо словосочетаний, реже — сложных слов. Примеры: *абонентный ящик* — *а/я*, *кинотеатр* — *к/т*, *хлопчатобумажный* — *х/б*, *расчетный счет* — *р/с* и *р/сч*; в этих случаях после сокращенных элементов слов точки не ставятся. Косая черта также может обозначать усечение предлога. Примеры: *по порядку* — *п/п*, *на-Дону* — *н/Д*, *оборот в минуту* — *об/мин*.

В графических сокращениях двойные согласные корня перед точкой сохраняются. Примеры: *ассистент* — *асс.*, *иллюстрация* — *илл.*, *административно-территориальный* — *адм.-терр.* Если же двойная согласная находится на стыке корня и суффикса, то в сокращении сохраняется только первая согласная. Примеры: *русский* — *рус.*, *стенной* — *стен.*; но: *российский* — *росс.*

Прописные и строчные буквы, а также точки применяются в сокращениях в соответствии с правилами орфографии русского языка. Пример: *Дальний Восток* — *Д. Вост.*

Акронимное сокращение записывается прописными буквами без точки. Примеры: *акционерное общество* — *АО*.

При усечении слов, отличающихся только приставками, отбрасывают одни и те же буквы. Примеры: *автор* — *авт.*, *соавтор* — *соавт.*, *народный* — *нар.*, *международный* — *междунар.*

При сокращении сложных слов и словосочетаний составные части сокращают по общим правилам. В сложных словах, пишущихся через дефис, сокращают каждую часть слова и сокращение также записывают через дефис. Примеры: *новая серия* — *новая сер.*, *Северный полюс* — *Сев. полюс*, *автор-составитель* — *авт.-сост.*

Сокращения, принятые для имен существительных, распространяются на образованные от них прилагательные, глаголы и страдательные причастия. Пример: *доработка, доработал, доработанный* — *дораб.*

Прилагательные и причастия, оканчивающиеся на: *-авский, -адский, -ажный, -азский, -айский, -альный, -альский, -энный, -анский, -арский, -атский, -ейский, -ельный, -ельский, -енный, -енский, -ентальный, -ерский, -еский, -иальный, -ийский, -инский, -ионный, -ирский, -итальный, -ический, -кий, -ний, -ной, -ный, -ованный, -овский, -одский, -ольский, -орский, -ский, -ской, -ческий*, — сокращают отсечением этой части слова.

Прилагательные, оканчивающиеся на *-графический, -логический, -омический*, сокращают отсечением следующих частей слова: *-афический, -огический, -омический*. Примеры: *географический* — *геогр.*, *биологический* — *биол.*, *астрономический* — *астрон.*

Если отсекаемой части слова предшествует буква «*й*» или гласная буква, при сокращении следует сохранить следующую за ней согласную. Примеры: *крайний* — *крайн.*, *ученый* — *учен.*

Если отсекаемой части слова предшествует буква «*ъ*», то слово при сокращении слово должно оканчиваться на стоящую перед ней согласную. Примеры: *польский* — *пол.*, *сельский* — *сел.*

Если слово можно сократить отсечением различного количества букв, при его сокращении опускают максимальное количество букв. Примеры: *фундаментальный* — *фундам.* (не *фундаментал.*, *фундамент.*).

Если при наиболее кратком варианте сокращения возникает затруднение в понимании слова или словосочетания, следует применять более полную форму сокращения. Примеры: *комический* — *комич.*, *статический* — *статич.*

Прилагательные и причастия в краткой форме сокращают так же, как и в полной форме. Примеры: *изданный, издан, издано* — *изд.*

Слова или словосочетания не сокращают, если при расшифровке сокращения возможны разночтения.

Не сокращают слова и словосочетания, входящие в состав основного, параллельного, другого и альтернативного заглавия.

В современной письменной речи различаются два типа графических сокращений — стандартизованные и традиционные. Стандартизованные сокращения: а) образованы по общим правилам (см. выше), которые отражают продуктивные модели сокращения лексических единиц; б) содержатся в Приложении к ГОСТ Р 7.0.12-2011. *Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила.* Традиционные сокращения: а) представляют собой устоявшиеся в письменном узусе (дискурсе) написания, которые демонстрируют непродуктивные (или уникальные) модели сокращения лексических единиц; б) могут содержаться в государственном стандарте как факт кодификации письменной традиции или отсутствовать в нем. Например, сокращение прилагательного *биологический* до *биол.* является стандартизованным, поскольку отражает регулярную модель сокращения прилагательных и описано в общем для всех

одноструктурных лексических единиц правиле: прилагательные, оканчивающиеся на *-графический*, *-логический*, *-омический*, сокращают отсечением следующих частей слова: *-афический*, *-огический*, *-омический*. Примеры: *географический* — *геогр.*, *биологический* — *биол.*, *астрономический* — *астрон.*

Сокращение прилагательного *железный* (согласно стандартному правилу: прилагательные и причастия, оканчивающиеся на: *-авский*, *-адский*, *-ажный*, *-азский*, *-айский*, *-альный*, *-альский*, *-энный*, *-анский*, *-арский*, *-атский*, *-ейский*, *-ельный*, *-ельский*, *-енный*, *-енский*, *-ентальный*, *-ерский*, *-еский*, *-иальный*, *-ийский*, *-инский*, *-ионный*, *-ирский*, *-ителный*, *-ический*, *-кий*, *-ний*, *-ной*, *-ный*, *-ованный*, *-овский*, *-одский*, *-ольский*, *-орский*, *-ский*, *-ской*, *-ческий*, — сокращают **отсечением этой части слова**.) следовало бы представить в виде формы *желез.* *дор.*, но для словосочетания *железная дорога* используется именно традиционное сокращение *ж. д.* (*ж/д*), которое, впрочем, зафиксировано в государственном стандарте.

Традиционные графические сокращения возникли на основе многолетнего языкового узуса и могут быть отражены в словарях сокращений. К ним относятся формы, привычные в научной и учебной литературе, но не всегда совпадающие с нормой стандарта: *до н. э.* (*до нашей эры*), *в т. ч.* (*в том числе*), *т. е.* (*то есть*), *и др.* (*и другие*), *с.* (*страница*), *т.* (*том*). Их выбор обусловлен традицией, жанровыми особенностями текста и коммуникативной целесообразностью.

В рамках прескриптивного подхода при лексикографическом описании сокращений были сформулированы рекомендации по их использованию:

Графические сокращения следует отличать от аббревиатур, поскольку аббревиатуры разных типов произносятся в устной речи (*МГУ* [Эм-гэ-ў]; *цветмет* [цвет-мёт]), а сокращения не читаются, а дешифруются и произносятся только в полной форме (*г-да* [гас-па-да], *гг.* [гó-ды]).

Написание сокращения рекомендуется унифицировать в пределах одного текста. Предпочтение следует отдавать вариантам, закреплённым в нормативных источниках (ГОСТ, нормативный словарь).

Сокращения допустимы в деловых, научных и служебных текстах, но не должны затруднять понимание. Сокращение должно пониматься однозначно. Например, вместо слова *обязательство* нельзя написать *обяз.* или *об-о*, так как это может быть понято по-разному (*обязанности*, *обстоятельство*). Правильное сокращение этого слова: *обяз-во*. В случаях, когда сокращение может быть неоднозначно истолковано, рекомендуется использовать полную форму.

Стандартизованные сокращения (например, *канд. филол. наук*) являются частью отраслевой (ведомственной?) номенклатуры и поэтому могут быть обязательны при подготовке официальных и нормативных документов.

Традиционные сокращения (*т. е.*, *и др.*, *в т. ч.*) допустимы в научной и деловой речи, но при составлении юридических и нормативных текстов предпочтительнее давать их расшифровку.

При использовании сокращений должна соблюдаться орфографическая преемственность: обязательно сохраняются точки на месте пропускаемых частей слова (*т. е.*, *в т. ч.*), при переносе слов сокращение не разделяется.

В текстах, рассчитанных на широкий круг читателей (например, официальные информационные письма, обращения к гражданам), рекомендуется минимизировать количество сокращений и приводить слова и словосочетания в полной форме.

Недопустимо одновременное использование сокращения и полной формы в одной конструкции (*д-р филол. наук доктор Иванов*). Следует выбирать либо сокращённый, либо полный вариант в зависимости от речевой ситуации.

Сокращение должно быть понятно всем адресатам. Поэтому в некоторых случаях (когда сокращение малоизвестно) при первом употреблении сокращения в тексте оно должно быть расшифровано в скобках, а затем может быть представлено в сокращенном виде.

Не рекомендуется сокращать ключевые слова. Например, если в документе идет речь о командировке, это слово не сокращается.

Инициалы, в соответствии с новым ГОСТом Р 7.0.97-2025, рекомендуется не отделять друг от друга, но отделять от фамилии неразрывным пробелом: *А.С. Иванов* (не рекомендуется: *А. С. Иванов, А.С.Иванов*).

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ Р 7.0.12-2011. Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13 декабря 2011 г. № 813-ст: дата введения 2012-09-01: введен впервые / Подготовлен ФГБУН "Российская книжная палата" (РКП). — Москва: Стандартинформ, 2012. — 24 с.
2. ГОСТ 7.11-2004 (ISO 832:1994). Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на иностранных европейских языках = System of standards on information, librarianship and publishing. Bibliographic description and references. Rules for the abbreviation of words and word combinations in foreign European languages: издание официальное: принят Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации протокол № 24 от 5 декабря 2003 г.): дата введения 2005-09-01: взамен ГОСТ 7.11-78 / Подготовлен Всероссийским институтом научной и технической информации РАН. — Москва: Стандартинформ, 2005. — 83 с.
3. ГОСТ Р 7.0.100-2018. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила = System of standards on information, librarianship and publishing. Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 3 декабря 2018 г. № 1050-ст: дата введения 2019-07-01: введен впервые / Разработан ФГУП "ИТАР-ТАСС", филиал "РКП", ФГБУ "РГБ", ФГБУ "РНБ". — Москва: Стандартинформ, 2018. — 65 с.
4. ГОСТ Р 7.0.97-2025 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов.
5. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов. / Российской академии наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Институт русского языка, 2004. — 960 с.
6. Словарь сокращений русского языка: 12500 сокращений / сост. Д. И. Алексеев [и др.]; предисл. Д. И. Алексеева. — Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. — 486 с.
7. Новичков, Н. Н. Словарь современных русских сокращений и аббревиатур: 12 000 сокращений и аббревиатур / Н. Н. Новичков. — Париж, Москва: ИНФОГЛОБ; Тривола, 1995. — 297 с.
8. Новый словарь сокращений русского языка: около 32000 сокращений / Сост.: Л. Б. Бернштейн, Р. Х. Гайнутдинова, А. И. Картенев и др.; Под общ. ред. Е. Г. Коваленко. — Москва: ЭТС, 1995. — 672 с.
9. Новые сокращения в русском языке, 1996-1999: Дополнение к «Новому словарю сокращений русского языка»: Правила написания, сокращенные и полные названия федеральных органов исполнительной власти при Правительстве РФ на 01.04.1999 / Е. Г. Коваленко и др. — Москва: ЭТС, 1999. — 159, [1] с. — ISBN 5-933-86-001-8.
10. Скляревская, Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка: более 6000 сокращений / Г. Н. Скляревская. — Москва: Эксмо, 2004. — 444 с.

Поступила в редакцию 28.11.2025 г.

A. I. Brovets

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF GRAPHIC ABBREVIATIONS: A PRESCRIPTIVE APPROACH

The article examines the principles of prescriptive description of graphic abbreviations in the Russian literary language, based on the *Dictionary of Graphic Abbreviations of the State Language of the Russian Federation* compiled at the Department of the Russian Language of Donetsk State University. The paper

highlights the lack of normative dictionaries of abbreviations in contemporary lexicography and substantiates the need for a prescriptive approach to the description of units of this type. It outlines the key principles underlying the formation of the dictionary's word list—normativity, stylistic restriction, and uniformity of spelling—as well as strategies for selecting a single normative variant in cases of variation. It is shown that the selection and codification of abbreviations rely on current orthographic, grammatical, and stylistic norms, established usage, and the requirements of state standards.

Key words: *graphic abbreviation, prescriptive lexicography, normativity, literary language, dictionary of abbreviations, language codification.*

Бровец Андрей Игоревич.

Донецкий государственный университет, г.
Донецк, РФ.

Доцент кафедры русского языка.
E-mail: a.brovets@mail.ru

Brovets Andrei Igorevich.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Russian Language
Department.

E-mail: a.brovets@mail.ru

УДК 811.161.1'373.611

DOI: 10.5281/zenodo.18074718

A. A. Лялюк © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АББРЕВИАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА⁴

Данная статья посвящена исследованию словообразовательного потенциала аббревиатурных наименований в дискурсе современных медиа. Отобранные нами сокращения являются массивом аббревиатурных слов, представленных в новостных лентах репрезентативных веб-ресурсов. В ходе исследования проанализированы структурно-семантические характеристики как аббревиатурных наименований в роли производящих баз (мотивирующих единиц), так и производных (мотивированных единиц). Полученные результаты позволили сделать выводы о словообразовательном потенциале исследуемых наименований, выделить и описать группы аббревиатур по степени словообразовательной активности.

Ключевые слова: *аббревиатурное наименование, словообразовательный потенциал, степень словообразовательной активности, отаббревиатурное производное (отаббревиат), медиадискурс.*

Стремительный темп социально-политических и экономических преобразований, а также активное внедрение передовых научно-технических разработок во все сферы деятельности человека находят прямое отражение в языке, делая его чувствительным индикатором общественных трансформаций. Современный медиадискурс, будучи наиболее открытой и динамичной сферой коммуникации, выступает главной площадкой для презентации разного рода языковых инноваций. В нём с особой силой проявляется тенденция к компрессии информации, одним из ключевых механизмов которой является аббревиатура.

Аббревиатуры, активно используемые в современном русском языке, стали неотъемлемой чертой массмейдийного пространства. Они, как и новейшие лексемы других структурных типов, «не только отражают актуальные социальные реалии и способы их ментального освоения носителями языка, но и демонстрируют

⁴ Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации РК 125052006173-0)

номинативные и когнитивные возможности словообразовательного механизма современного русского языка» [2, с.378].

Успешно реализуя закон экономии речевых усилий, эти единицы проявляют общесистемные свойства. Так, закон системности языка, утверждающий, что любые трансформационные процессы, происходящие в языке, влияют на всю его систему в целом, наглядно представлен процессом *отаббревиатурного словообразования*. Аббревиатуры, появившиеся под действием закона экономии, не просто пополняют лексический фонд языка, но и осознаются как единицы «лексикализованные с потенциальными фонетическими, грамматическими и словообразовательными способностями» [1, с.120] и могут выступать в роли «производящих основ, дающих многочисленные ряды производных» [3, с.3].

Таким образом, факт возникновения аббревиатуры в результате словообразования не всегда является конечным этапом языковых преобразований. Он способен запускать следующий этап в работе словообразовательного механизма, порождая целые гнёзда отаббревиатурных слов.

Вышеперечисленными фактами и обусловлена **актуальность** данного **исследования**. Активизация отаббревиатурного словообразования делает необходимым исследование вопросов, которые связаны с определением лингвистического статуса данного явления и его характерными чертами, а также побуждает анализировать производные единицы отаббревиатурного типа для определения дальнейших путей развития всей словообразовательной системы русского языка.

Материалом исследования послужили аббревиатуры (179 слов) и отаббревиатурные производные (68 слов), отобранные методом сплошной выборки из текстов современного медиадискурса. Всего было проанализировано 247 аббревиатурных единиц, представленных в 356 контекстах. В частности, источниками иллюстративного материала послужили новостные ленты наиболее популярных среди пользователей веб-ресурсов: mail.ru, my.mail.ru, interfax.ru и др. Все представленные источники иллюстративного материала характеризуются также высокой частотностью обновления и широким тематическим охватом, что обеспечивает актуальность и достоверность собранного языкового материала. При этом выборка ориентировалась в большей степени на структурно-семантический критерий отбора.

Цель исследования заключается в выявлении словообразовательного потенциала аббревиатурных наименований в текстах современного медиадискурса. Указанная цель предполагает решение следующих задач: систематизация отобранного словарного материала; выделение факторов, способствующих словообразовательной активности аббревиатурных наименований; выявление характерных черт отаббревиатурного словообразования; установление критериев оценки словообразовательного потенциала сокращений.

Аббревиатурные наименования, рассматриваемые нами, представляют собой обширный класс слов. В рамках настоящего исследования они трактуются максимально широко, следуя комплексному подходу, устоявшемуся в современной дериватологии (А.Н. Елдышев [], Е.С. Кубрякова [] и др.). Данный подход охватывает сокращённые лексемы различных типов (инициальные, сложносокращённые, акронимы и др.).

В контексте нашего исследования центральным становится понятие **отаббревиатурного образования (отаббревиатуры)** — производного слова, мотивированного аббревиатурным наименованием, например: *ГАИ* > *гашиник*; *МИД* > *мидовский*; *профком* > *профкомовский*. Этот термин фиксирует принципиальный сдвиг: аббревиатура, сама будучи результатом словообразовательного

процесса, становится его источником. Формирование цепочек и гнёзд таких производных свидетельствует о переходе аббревиатуры на качественно новый уровень интеграции в языковую систему.

Однако, стоит отметить, что не каждая аббревиатура способна стать продуктивной производящей базой. На основе анализа эмпирического материала можно выделить комплекс взаимосвязанных факторов, свидетельствующих в пользу способности аббревиатуры к дальнейшему порождению производных единиц. Ниже представлены **характерные черты аббревиатурных наименований**, которые потенциально могут выступать в роли словообразовательной базы.

I. Высокая частотность и медийная актуальность. Аббревиатура должна активно и регулярно употребляться в медиатекстах, становясь узнаваемой для широкой аудитории. Как правило, это наименования ключевых социальных институтов (**МВД, МИД, ФСБ**), значимых событий (**ЕГЭ**) или компаний (**Газпром**).

II. Социокультурная значимость. Словообразовательный потенциал выше у единиц, которые репрезентируют явления, находящиеся в фокусе общественного внимания и дискуссий (**СПИД**). Социальная важность может активизировать словообразование даже от историзмов (**КГБ > кагэбэшник; колхоз > колхозник**).

III. Семантическая ёмкость и способность к метафоризации. Аббревиатура, обозначающая сложное, многогранное понятие, даёт больше возможностей для семантического развития дериватов (например, аббревиатура **ЗОЖ** (здравый образ жизни) *охватывает широкий спектр элементов, включая питание, физическую активность, отказ от вредных привычек и психологическое благополучие*. расширила спектр значений и используется в современном дискурсе не только как наименование лица (зожник), но и как атрибутивный компонент в составе сложносоставных слов (**ЗОЖ-тренд, ЗОЖ-питание, ЗОЖ-привычка**)).

IV. Благозвучность. Аббревиатуры, представляющие собой наименования, которые напоминают простые односложные слова (**МИД, СПИД**), легче обрастают суффиксами. Напротив, инициальные аббревиатуры, состоящие только из согласных (**КПРФ**) или оканчивающиеся на гласный (**ЮНЕСКО, США**), обладают меньшим деривационным потенциалом из-за сложности произнесения.

Отаббревиатурные наименования, представленные в нашем словаре, можно условно разделить на несколько групп в соответствии с уровнем их словообразовательной активности.

Классификация аббревиатур по уровню словообразовательного потенциала

Учитывая количество и разнообразие отаббревиатурных производных, можно предложить трехуровневую классификацию.

Низким словообразовательным потенциалом обладают малопродуктивные аббревиатурные наименования, способные выступить в качестве словообразовательной базы лишь единожды, результатом чего является один отаббревиатурный дериват, зачастую представленный именем прилагательным выражающим атрибутивное значение. Например: **зарплата > зарплатный** (*зарплатный проект*); **велотрек > велотрековый** (*велотрековое снаряжение*).

В целом, такой уровень скорее является нормой для аббревиатур, чем отклонением от общих особенностей сокращений, выступающих в роли словообразовательной базы. Именно малопродуктивные (с точки зрения словообразовательной активности) аббревиатуры зафиксированы нами в ходе сбора материала исследования в абсолютном большинстве случаев (197 аббревиатурных наименований).

Все же представляется необходимым выявить причины такого низкого потенциала. Так как эти причины послужат отправной точкой для понимания диаметрально противоположных явлений в этой области — аббревиатур, которые способны создавать многокомпонентные словообразовательные гнезда. В соответствии с логикой научного познания, высокопродуктивные аббревиатуры будут обладать противоположными характеристиками. Определение перечня последних целесообразно выводить из противопоставления описанного выше, т. к. именно низкопродуктивные сокращения представлены большим массивом словарного материала.

Причины низкого уровня словообразовательного потенциала аббревиатурных наименований представлены ниже.

Семантика аббревиатуры. Исходная аббревиатура (например, *роно*, *загс*) сама по себе является лексикализованной единицей с узкой семантикой. Она называет конкретное учреждение, понятие или предмет, что ограничивает возможности для смыслового ветвления.

Нечелесообразность активного словообразования, а необходимость создания исключительно производного с **атрибутивным значением**. Наиболее востребованным в речи оказывается не создание новых отаббревиатурных существительных, а образование **прилагательных**, которые позволяют охарактеризовать что-либо через принадлежность или отношение к обозначаемому аббревиатурой объекту (*вуз* > *вузовский* (курс, преподаватель, образование)).

Средним уровнем словообразовательного потенциала обладают аббревиатурные наименования **умеренно продуктивного типа**. Такие сокращения служат базов для словообразования более одного отаббревиата. Зачастую такие слова служат основой для создания нескольких производных слов, представленных в диапазоне от 2 до 5 лексических единиц, образующих небольшое словообразовательное гнездо. Например, от *ОВИР* > *овировский*, *овировец*; *соцстрах* > *соцстраховский*; *соцстраховец* и др.

Высоким уровнем словообразовательного потенциала обладают сокращения, выступающие в роли вершины разветвлённого словообразовательного гнезда. Зачастую оно представлено 5 и более компонентами — словами разных частей речи. Многокомпонентность таких гнезд обусловлена активным использованием способа сложения при словообразовании сложносоставных наименований, например: *егэшний*, *егэшник*, *по-егэшному*, *ЕГЭ-студия*, *ЕГЭ-школа*, *ЕГЭ-подготовка*, *ЕГЭ-тест* и под.

Стоит отметить, что словообразовательная продуктивность аббревиатур (как производящих баз) напрямую связана с их семантико-стилистическими особенностями.

Например, в сфере наименований государственных органов власти и силовых структур отмечается повышенная активность в словообразовательном плане, реализующаяся в создании как официальных нейтральных наименований общелитературного языка, так и разговорных, жаргонных и стилистически сниженных отаббревиатурных слов. **Например:** *МВД* > *эмвэдэшник*, *эмвэдэшный*; *ФСИН* > *фсиновец*; *ГИБДД* > *гибээдэшник*.

Также способность производить новые лексические единицы в большей степени присуща **частотным и хорошо освоенным аббревиатурам**, которые «прижились» в языковой системе.

Способность высокопродуктивных аббревиатур формировать **гнёзда производных единиц** («*отаббревиатурные гнёзда*») является специфической чертой именно сокращений, отличающейся от такого рода возможности, системно реализуемой другими структурными типами слов. Это скорее служит примером **ограниченной и специфической словообразовательной активности**. Словообразовательные гнезда с вершинами, представленными простыми словами с

исконной или заимствованной полнозначной основой, принципиально отличаются от аббревиатурных. Последние обладают рядом специфических черт. Им характерны **однотипность, структурная ограниченность, компонентная ограниченность и линейность**. Все эти ключевые параметры естественно обнаруживаются при построении типовой схемы такого гнезда, как правило, она выглядит так:

АББРЕВИАТУРА (сущ.) → Прилагательное (-овск-, -н-, -шн-)

→ (редко) Существительное или глагол (разг.).

Например: **ОМОН > омоновец** (СБ: иниц.аббревиатура + СФ: суфф. -(ов)ец).

Дериваты за пределами стандартного прилагательного почти всегда имеют *разговорную, профессиональную* или *жаргонную* окраску. Они отражают попытку «очеловечить» аббревиатуру, встроить формальный знак в живую речь. Например, существительные со значением лица: **гашиник** (разг.), **айтишник** (проф./жарг.)

Обобщая изложенные результаты, стоит подчеркнуть, что подавляющее большинство аббревиатурных наименований современного медиадискурса реализуют свой словообразовательный потенциал лишь **один раз**, порождая **единственный регулярный дериват — отыменное прилагательное с атрибутивным значением**. Это экономичный языковой механизм для удовлетворения базовой коммуникативной потребности — указать на признак по отношению к объекту, названному аббревиатурой. Таким образом **низкая продуктивность** является **регулярной и стандартной для аббревиатур**.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что словообразовательный потенциал аббревиатурных наименований является важнейшим фактором развития лексики современного медиадискурса и русского языка в целом. Преодолев статус маргинальных сокращений, наиболее частотные и социально значимые аббревиатуры превращаются в активные производящие базы, которые способны сформировать многокомпонентные словообразовательные гнёзда. Этот процесс детерминирован комплексом лингвистических (структурно-фонетических, семантических) и экстралингвистических (социокультурная актуальность, медийная частотность) факторов.

Несмотря на то, что словообразовательный потенциал аббревиатурных наименований на данном этапе развития языковой системы ограничен, все говорит о том, что сокращения глубоко интегрированы в языковую систему. Они эволюционируют, активно используясь в текстах СМИ, активно используя аббревиатуры, не только отражают объективные в той или иной мере факты, но и активно формируют картину мира посредством реализации возможностей словообразовательной системы русского языка.

Поступила в редакцию 25.11.2025 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Д.И. Сокращенные слова в русском языке. — Изд-во Сарат. ун-та, 1979. — 328 с.
2. Елдышев, А.Н. Проблемы аббревиатурного словообразования // Особенности словообразования в терминосистемах и литературной норме.— Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. — С.114— 152.
3. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений [Текст] : семантика производного слова / Е. С. Кубрякова ; отв. ред. Е. А. Земская ; предисл. В. Ф. Новодрановой. — Изд. 2-е, доп. — Москва : URSS, 2008. — 198 с.
4. Рацбурская, Л.В. Актуальные социальные реалии в медийных неодериватах // Медиалингвистика. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа : мат-лы V Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2021 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев.— СПб. : Медиапапир, 2021.— С.378— 382.

A.A. Lyalyuk

**THE WORD-FORMATION POTENTIAL OF ABBREVIATED NAMES OF MODERN MEDIA
DISCOURSE**

This article is devoted to the study of the word-formation potential of abbreviated names in the discourse of modern media. The abbreviations we have selected are an array of acronyms presented in the news feeds of representative web resources. The study analyzes the structural and semantic characteristics of both abbreviated names in the role of producing bases (motivating units) and derivatives (motivated units). The obtained results allowed us to draw conclusions about the word-formation potential of the names under study, to identify and describe groups of abbreviations according to the degree of word-formation activity.

Keywords: abbreviation, word-formation potential, degree of word-formation activity, abbreviation derivative, media discourse.

Лялюк Анна Александровна.

Кандидат филологических наук
Донецкий государственный университет,
г.Донецк, РФ.
Старший научный сотрудник
E-mail: anna.lyalyuk@list.ru

Lyalyuk Anna Aleksandrovna.

Candidate of Philology
Donetsk State University,
Donetsk, RF.
Senior researcher
E-mail: anna.lyalyuk@list.ru

Методика преподавания русского языка

УДК 81`374

DOI: 10.5281/zenodo.18074755

E. N. Станкус © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»*

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ ДОНБАССА⁵

В статье описываются основные этапы составления Ассоциативного словаря Донбасса, который является продолжением публикаций, начатых Русским ассоциативным словарём. Актуальность темы обусловлена тем, что вышедший словарь является новейшим источником, фиксирующим изменения в образе мира молодого поколения носителей русского языка. В работе представлены этапы составления словаря: проведение ассоциативного эксперимента, обработка полученных данных, оформление словарных статей и их вычитка. Подробно представлены словарные статьи, входящие в первый и второй том, описаны принципы организации ассоциативных реакций.

Ключевые слова: стимул, реакция, ассоциативный, упоминания, ассоциативный опрос, анкеты, словарь.

Ассоциативный словарь Донбасса, изданный в 2025 году при кафедре русского языка Донецкого государственного университета, стал результатом многолетней работы, начатой в 2018 году, задолго до вхождения в 2022 году Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации. Он отражает особенности наивной картины мира жителей региона.

Е. Ф. Тарасов считает, что человек в отличие от других обитателей Земли обладает несколькими видами сознания: языковое, метаязыковое и неязыковое сознание. Понятие «языковое сознание», введённое в отечественную психолингвистику Е. Ф. Тарасовым, определяется как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [2, с. 3–4]. Также им определены качества сознания носителей разных культур, определяемые как знания «перцептивные (сформулированные в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств), концептуальные (формулируемые в ходе мыслительной деятельности, не опирающейся непосредственно на перцептивные данные), процедурные (описывающие способы и последовательность использования перцептивных и концептуальных данных)» [3, с.7]. Такой подход позволяет рассматривать языковое сознание как средство познания своей и чужой культуры.

А. А. Леонтьев выделяет два взаимоисключающих подхода к соотношению языка и сознания. Согласно первому единице сознания справедливо считать систему языковых знаков, т. е. «вербальных, словесных значений и обслуживающих эти значения разноуровневых коммуникативных средств» [2, с. 16–17]. Второй подход основывается на том, что единица сознания имеет предметное значение, а язык, в свою очередь, «понимается как система значений, могущих актуализироваться и в верbalной форме» [там же, 17]. Исходя из этого, системой предметных значений, которые становятся доступными для внешнего наблюдателя с помощью слова, является

⁵ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКР 1023111500001-7).

языковое сознание. Образ мира отображается в психике человека как предметный мир, который опосредован «предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами, поддающимися сознательной рефлексии» [там же: 18]. Он отличается, по мнению А. А. Леонтьева, от таких понятий как «когнитивная картина мира» и «языковая картина мира», поскольку способен выражать не только личностные смыслы, но и выступать инвариантом «образа мира, соотнесённого с особенностями национальной культуры и национальной психологии» [там же: 19]. Это связано с тем, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено; видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [там же: 20].

По мнению Московской психолингвистической школы система предметных значений, т. е. языковое сознание, отражается в массовом свободном ассоциативном эксперименте, результатом которого стал Русский ассоциативный словарь (РАС) под руководством Ю. Н. Карапулом. При его составлении была сформирована методология проведения и представления результатов исследования.

Ассоциативный словарь не фиксирует толкования отдельных лексем, а устанавливает связь между словами или группой слов, которая отражает культурные знания и формирует образ мира носителя языка. Это связано с тем, как отмечает Ю. Н. Карапул, что человек общается не словами, а фразами, существующими в тесной семантической связи с предшествующими и последовательными репликами [1, с. 749]. Например, на стимул **поднять** один из ответов является *руку*, одной из реакций на стимул **назвать** — *слово* и т. д. Соединение стимула и реакций не только порождает словосочетания *поднять руку*, *назвать слово*, но и имеет возможность объединиться во фразу *поднять руку и назвать слово*. Каждое слово в сознании человека связано с другим и не существует по отдельности. Так, слово *бережёт* является реакцией для таких стимулов как *рубль* и *копейка*, поскольку носитель русского языка в этих парах слов обнаруживает знакомую пословицу *копейку рубль бережёт*. Однако нельзя утверждать, что в ассоциативном словаре зафиксирована речь, поскольку стимул и реакция — это не законченное высказывание.

Русский ассоциативный словарь содержит несколько баз ассоциативных данных — Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) СИБАС, Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) ЕВРАС, Ассоциативная база данных «Уральский русский региональный ассоциативный словарь», Ассоциативная база Крымский ассоциативный словарь». Пятым региональным ассоциативным словарём русского языка стал Ассоциативный словарь Донбасса, значимость которого заключается в том, что он собрал в себя актуальные данные, поскольку это последний по времени создания словарь.

Работа над словарём велась с 2018 по 2024 год, а сбор языкового материала осуществлялся методом свободного ассоциативного эксперимента с носителями русского языка, которые постоянно проживают в Донбассе. В качестве респондентов выступили представители одной социальной группы — 5000 студентов в возрасте 17–25 лет, обучающиеся в Донецке и Макеевке. Следует отметить, что при составлении словаря учитывался тот факт, что многие опрашиваемые приехали из разных городов ДНР. Эксперимент проводился анонимно в письменной форме с помощью бумажных анкет, включавших информацию о реципиенте (пол, возраст, родной язык, специальность, дата заполнения и родной город) и 100 слов-стимулов и (Рис. 1). На выполнение анкет студентам давалось ограниченное время — 25 минут. Это было сделано для того, чтобы получить мгновенную реакцию на каждый стимул.

АНКЕТА *** 2229

пол (мужской) **М**; возраст **17**; родной язык **русский**; специальность **Дизайн**; дата заполнения 08.11.2023; город **Макеевка**

58. буржуазный - вор	708. Развитие - тирофиз	488. Неудача - погибель	484. Неправда - подлость
620. Получаться - план	623. Помнить - роднасление	914. Удобства - облегчение	891. Тишина - лес
601. Подойти - решить	75. весь - вся	936. Утаивать - прятки	505. Обед - монах
29. белый - молоко	889. Течение - кровосток	110. Вранье - грех	657. Предпримчивый - действие
163. Грязный - Астралопитек	228. Жажда - пески	193. Деятельный - рабочий	513. Объяснять - жевать
519. Одинокий - могила	73. весна - начало	451. Наполнять - вода	937. Утро - начать
465. Нация - славяне	347. Король - один	576. Перспектива - будущее	273. Зеркало - лица
454. Наркотик - испытание	934. Успех - счастье	478. Независимый - честный	176. Девочка - пол
526. Окно - стекло	858. Стремление - жизнь	331. Коварство - черта	267. Звонить - связь
91. внутренняя - кровотечение	993. Экономный - монета	496. Ножницы - лезвие	902. Трудности - осраг
621. Получить - дань	783. Свой - меч	870. Сырьё - плоть	872. Таинственный - ник
433. Мошенник - спекулянт	223. Ездить - долина	80. Взгляд - косой	203. Долго - время
432. Мост - поломка	971. Чиновники - подлец	884. Тёмный - помысел	991. Экзамен - проберка
593. Повод - сыпить	768. Сейчас - никогда	758. Светлый - надежда	803. Смиться - пакость
578. Песок - стекло	833. Спорт - мяч	156. Готовиться - победа	941. Учить - получать
959. Хрупкий - жизнь	693. Пуговица - кукла	646. Правда - мироздание	169. Далеко - Асалон
979. Шерстяной - заключенный	376. Ленин - сождь	118. Встреча - ум	581. Пиво - хмель
550. Отнять - побить	771. Семя - зарождение	191. Детский - маленький	716. Ракетный - двигатель
754. Сани - дерево	317. Картина - лик	366. Купить - тело	618. Положение - составление
108. Воссоздавать - некромант	342. Кончать - оборвать	504. Нужный - вещички	656. Предоставлять - документ
752. Самобытный - путь	982. Школа - мудрость	970. Чехов - палата	322. Квартира - имущество
149. Грабчев - правитель	624. Помогать - карма	750. Рыба - пузырь	323. КГБ - разведка
909. Уверенный - стрелок	788. След - охота	698. Пьянство - веселье	90. внешняя - политика
332. Ковер - подмести	501. Нрав - стремление	522. Однообразие - смерть	818. Сокол - сершина

Рис. 1. Заполненная анкета, включающая в себя стимулы и реакции на них

Ассоциативном словаре Донбасса представлено 1000 стимулов, 695 из которых входят в состав стимулов Русского ассоциативного словаря и являются, согласно Частотному словарю русского языка под редакцией Л. Н. Засориной, наиболее частотными лексемами русского языка, 212 слов взяты из ядра языкового сознания по данным того же словаря, а 93 слова представляют стимулы, которые введены для определения реакций на актуальные для современного общества понятия. Стоит отметить, что словник стимулов охватывает период времени от Перестройки до СВО, что позволяет исследователю наблюдать за изменениями, которые фиксируются в языковом сознании носителей русской культуры в условиях меняющейся социальной обстановки.

Второй этап составления Ассоциативного словаря Донбасса заключался в обработке пяти тысяч анкет. Перед авторами стояла задача получить количественные данные: частота появления реакции в ответах студентов, упоминания стимула в анкетах при ассоциативном опросе, разные реакции, отказы испытуемых от ответа, единичные реакции, полученные на данный стимул. Помимо этого, в словарной статье необходимо было отразить реакции, которые совпадали со стимулами, и те, которые повторяли стимулы Ассоциативного тезауруса русского языка. Для быстрых подсчётов все анкеты необходимо было оцифровать: все данные заносились в текстовые документы по 50 анкет в каждом, без каких-либо изменений содержания. Подсчёт языковых единиц осуществлялся с помощью специальных компьютерных программ.

Следующий и последний этап заключался в оформлении полученных данных в словарные статьи и их вычитка. Поскольку словарь построен по результатам массового опроса носителей языка, почти все ответы сохранены в том виде, в каком они зафиксированы в анкетах, кроме явных орфографических ошибок, которые были исправлены в процессе вычитки. По этой причине в словарных статьях отсутствует унификация написания слов-реакций: слитное, раздельное и дефисное написание,

прописная и строчная буквы, сокращение некоторых слов и др. орфографические правила.

Словарь состоит из двух томов: прямого — от стимула к реакции, обратного — от реакции к стимулу. Словарные статьи, входящие в первый том, представляют собой ассоциативные поля, которые связаны со стимулом слов, причём «разнообразие возможных связей столь велико, что охватывает все формальные и содержательные характеристики попарно связанных слов — стимула и ответа на него» [1, с. 749]. Например, в статье с заголовочным словом *зерно* самыми частыми ответами являются *хлеб, пшеница, поле, пшено, курица* и т. п., которые семантически связаны со стимулом (из зерна пекут хлеб, зерно — урожай пшеницы и пшена, которые выращиваются в полях, зерном кормят куриц). Также среди реакций обнаруживаются действия, связанные с зерно (*посеять, собирать, варить, посеять, прорастить, сажать*), указания на признаки и качества (*перемолотое, золотое, хорошее, мелкое, крупное, грязное*), дестинативное значение (для *птицы, корова, птица, куры, цыплёнок, животные, попугай*), разновидность слова-стимула (*кофе, семена, просо, жито, рис, рожь*), указания на то, где может находиться или быть применено (*агрономия, в земле, в мешке, огород, поле, в амбаре*), слова, являющиеся частью фразеологических единиц со словом-стимулом (*сомнения, раздора, правды, мудрости, ненависти, надежды*), фразеологические единицы (*хлеб всему голова*) и т. п.

Реакции в словарной статье расположены не в алфавитном порядке, а в порядке убывания их частотности. При каждой реакции даётся число, которое указывает на количество её проявлений в ответах опрашиваемых. Так, на слово-стимул **ярость** отреагировали 100 раз реакцией *гнев*, синоним *злость* подобрали 96 раз, *зло* — 17 раз, антонимичные реакции *спокойствие*, *свет* обнаружены 3 раза. В конце статьи через знак + даются итоговые цифры (490+192+4+150), которые означают следующее: первая цифра (490) — показатель количества упоминаний стимула в анкетах при ассоциативном опросе или количество испытуемых, которым достался данный стимул, вторая (192) суммирует разные реакции в словарной статье, третья цифра (4) — фиксирует количество пропусков или отказов испытуемых от ответа, последняя цифра (150) — показывает, сколько единичных реакций было получено на этот стимул (Рис. 2).

певец, пейзаж, плащ, позитив, полет, погань, предмет, прикид, принт, работник, резкость, рисунок, розовый, рыжий, рынок, рядом, салют, свеж, светит, светящийся, сильный, синий, сияющий, слепить, смех, стакан, стилиз, сюжет, талант, танец, теплота, теплый, тихий, тюрьма, успешный, фильм, флаг, фон, хайлайтер, хорошее настроение, шарик, шарф, шум, эксперимент, экстраверт, эмоции, энергия, эпизод, яркий, яркий цвет 1; 496+191+2+96

ЯРОСТЬ: гнев 100; злость 96; зло 17; красный 15; агрессия 9; чувство 7; огонь 6; злоба, эмоция 5; боль, в глазах, фильм 4; безумие, глупость, драка, крик, плохо, свет, спокойствие, человека 3; агрессор, безумство, богов, бури, быка, внутри, всплеск, грех, грусть, доброта, дракона, зверя, злой, не знает предела, неконтролируемая, нет контроля, обида, покой, сила, сильная, страх, стресс 2; бедствия, Берсерк, бешенство, благородное, Бог, богатырь, большая, больше, бывает, бытия, в безумии, в деле, в жизни, в парке, в теле, варвар, Васи, ведьма, взрыв, возмездие, война, волка, врагов, вред, временная, вспыхнула, вулкан, выкрутить, вырывается, ярость, глаз, гневогрешие, губит, да,

девушки, детей, дикая, дикость, добро, друг, души, есть, животного, забвение, заикается, застывает, затяжки, зашкаливает, защитников, злобы, зубы, из-за проблемы, избивать, индивидуальность, испытать, истерики, к власти, качество, красивый, красный от злости, кровавая, кровь, кровь, кружение, кружить, лето, лицемерие, мгла, минимум, минутная, мир, моя, на них, наказание, насилие, непонимание, непредсказуемая, несправедливость, нет, неудачник, обман, обыденность, ожег, окружающих, от боли, отношения, песня, печаль, пламя, повышенная, помутнение, последствия, пошлость, преобладание, преодолима, преступление, пришельцев, проблема, проигрыш, произведение, психика, пыл, разгорается, растет, резкость, ринг, Санек, света, свирепство, сдержанность, сдерживать, слабость, слабый, слезы, слепая, слона, смех, собака, собаки, сожаление, солдата, солнце, состояние, спор, старость, стипендии нет, стихии, стон, страсть, темноты, тревога, трещ, тупость, у него, убивает, убийство, угласла, удар, ужас, умиротворение, уничтожение, фашизм, фильма, характера, цвета, черная, чистая, эмоции, эмоций, юность 1; 490+192+4+150

Рис 2. Оформленная словарная статья Ассоциативного словаря Донбасса

Второй том от Ассоциативного словаря Донбасса включает 41699 словарных статей и строится по принципу «от реакции к стимулу», где заголовочным словом является реакция, представленной той словоформой, которой реагировали участники ассоциативного эксперимента, проводимого с 2018 по 2024 гг. В словаре также фиксируются случаи пересечения реакции в обратном словаре с заголовочным словом из прямого словаря, графически отмечаются полужирным курсивом и специальным знаком: *баня**. Реакции, которые являются стимулами Русского ассоциативного словаря помечены полужирным курсивом без звёздочки, например, *взглянуть*.

Корпус Обратного словаря представлен не только словоформами русского языка, но и иноязычными словами, цифрами, формулами и прочими графическими знаками и символами.

После каждого заголовочного слова расположен знак ← («стрелка»), за которым располагаются стимулы. Расположение стимулов в обратном словаре также зависит от количества реакций участников опроса, однако, если их количество совпадает, то стимулы даются в алфавитном порядке, а сумма стимулов даётся после них.

В конце словарной статьи приводятся количественные показатели для заголовочного слова, разделяемые знаком «плюс» (+): первое число указывает на суммарное число реакции на перечисленные стимулы, второе — общее число стимулов, вызвавших реакцию, советующую заголовочному слову (Рис. 3). Например, словарная статья для реакции *ярость* в обратном словаре будет выглядеть следующим образом: *ярость* * ← гнев 43; злость 39; злоба 16; безумие 7; агрессивный 3; зло, красный, ненавидеть, огонь 2; бедствовать, внутренняя, злой, коварство, лев, радость, раздражение, сила, табак, угроза, ум, форма, чистый, чувство 1; 130+23. В словарной статье обнаруживается, что реакция *ярость* была представлена в 23 разных стимулах 130 раз.

Таким образом, словарь представляет ассоциативно-вербальную сеть, которая отражает организацию языковой способности человека. В дальнейшем планируются работы, которые бы раскрыли форму и содержание этой сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Т.1, М.: АСТ-Астрель, 2002. — С.749-782.
2. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М.: Институт языкоznания РАН, 1993. — С. 16–21.
3. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М. : Институт языкоznания РАН, 1996. — С.7-22.
4. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание — перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование (XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации), М., 2000. С. 3–4.

Поступила в редакцию 28.11.2025 г.

E. N. Stankus
THE METHODOLOGY OF COMPILING THE ASSOCIATIVE DICTIONARY OF DONBASS

The article describes the main stages of compiling the Associative Dictionary of Donbass, which is a continuation of the publications initiated by the Russian Associative Dictionary. The relevance of the topic is because the published dictionary is the latest source that captures changes in the image of the world of the younger generation of Russian speakers. The work presents the stages of compiling a dictionary: conducting an associative experiment, processing the data obtained, formatting dictionary entries and proofreading them. The dictionary entries included in the first and second volumes are presented in detail, and the principles of organizing associative reactions are described.

Keywords: *stimulus, reaction, associative, mentions, associative survey, questionnaires, dictionary.*

Станкус Екатерина Николаевна.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк
старший преподаватель кафедры русского языка.
E-mail: e.n.stankus@mail.ru

Stankus Ekaterina Nikolayevna
Donetsk State University.
Russian Federation, Donetsk.
Senior Lecturer at the Russian Language Departme.
E-mail: e.n.stankus@mail.ru

УДК 372.4
DOI: 10.5281/zenodo.18074799

E. В. Лавренчук © 2025
E. А. Логвина © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — ст. преподаватель Т. П. Плахтий)*

ИГРОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД РАЗВИТИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматривается специфика игрового моделирования, выраженного в наличии конкретной образовательной цели и ожидаемого результата учебной игровой деятельности младших школьников на уроках литературного чтения в начальной школе. По мнению авторов статьи, игра является эффективным средством формирования читательского интереса учащихся, а уроки-игры помогают углублять знания, формировать коммуникативную активность, повышать самооценку, активизировать мобильность. Игровые педагогические технологии представляют широкий спектр методов и приемов обучения, основанных на использовании различных игровых моделей. Метод игрового моделирования, внедряемый на уроках литературного чтения в начальной школе, способствует развитию читательского интереса и мышления младших школьников.

Ключевые слова: игровое моделирование, младший школьник, игровая деятельность, читательский интерес.

Игра как средство обучения детей использовалась с древности. Многогранность игры как феномена изучается различными науками, включая педагогику, психологию, философию и другие. Игры эволюционировали на протяжении всей истории человечества, приобретая различные формы и культурное значение.

В педагогике и психологии проблему игровой деятельности разрабатывали К. Д. Ушинский [19], Л. П. Блонский [3], С. Л. Рубинштейн [13] и др. Различные исследователи и мыслители зарубежья нагромождают одну теорию игры на другую — К. Гросс, Ф. Шиллер, Г. Спенсер, К. Бюлер, З. Фрейд, Ж. Пиаже и др.

В. А. Сухомлинский писал: «Без игры нет и не может быть полноценного умственного развития. Игра — это огромное светлое окно, через которое в духовный мир ребенка вливается живительный поток представлений, понятий об окружающем мире. Игра — это искра, зажигающая огонёк пытливости и любознательности» [17]. Как отмечал Ф. Шиллер, «в игре человек испытывает такое же наслаждение от свободного обнаружения своих способностей, какое художник испытывает во время творчества» [20].

Согласно Л. С. Выготскому, игра — источник развития и создает зону ближайшего развития: «...по существу через игровую деятельность и движется ребенок» [5]. На теоретическом и практическом уровнях большое значение имеет

следующий тезис: для ребенка важен сам процесс игры, его личностные переживания, и что в этой игре он создает выдуманные истории, позволяющие выносить смысл с одного предмета на другой при помощи фантазии, что помогает осваивать отдельные факторы, подробности реальности. К.Д. Ушинский отмечал: «дети в игре ищут не только наслаждение, но и самоутверждение в интересных занятиях». Игра, по его взорению: «своеобразный род деятельности, притом свободной и обязательно сознательной деятельности» [19, с. 289].

К. Д. Ушинский пишет: «Не надо забывать, что игра, в которой самостоятельно работает детская душа, есть тоже деятельность ребенка» [19, с. 289]. Великий педагог буквально первым в России заявлял, что «... в игре соединяются одновременно стремление, чувствование и представление. Лишение ребенка игры как сознательной деятельности есть самое страшное наказание для него» [19, с. 292]. Таким образом, игра является особой формой освоения действительности путем ее воспроизведения, моделирования. Игровая деятельность — произвольное, обобщенное воспроизведение действительности.

В научной литературе предпринята классификация образовательных технологий. Существует несколько подходов. Так, один из подходов классификации образовательных технологий предпринят Н.В. Бордовской и А.А. Реан. Ученые выделяют пять видов образовательных технологий: задачные, игровые, компьютерные, диалоговые, тренинговые технологии [4].

Наибольший интерес, в нашем исследовании, представляют игровые технологии. Они включают взаимодействие педагога и учащихся через игровые сюжеты (игры, сказки и др.) с интеграцией образовательных задач. В образовательном процессе применяются различные виды игр: занимательные, театрализованные, деловые, ролевые, компьютерные. Игровые технологии — часть педагогических технологий, и их применение в образовании имеет давнюю историю. Игровые технологии вызывают большой интерес у педагогов. Несмотря на попытки классификации, однозначного определения игры нет. Научно установлены связи игры с культурой, её влияние на развитие личности, её биологическая природа и психосоциальная обусловленность. Однако в российском образовании игровые технологии всё ещё считаются инновационными.

Т. М. Михайленко в своей научной статье отмечает: «Несомненно, и в отечественной и в мировой педагогической практике накоплен багаж, который может быть использован. Это, в первую очередь, игровые технологии. Они нашли широкое применение в нашей практике. Игровые технологии имеют огромный потенциал с точки зрения приоритетной образовательной задачи: формирования субъектной позиции ребёнка в отношении собственной деятельности, общения и самого себя» [10].

Развитие мышления в младшей школе крайне важно. Игровые технологии — это совокупность методов организации обучения через педагогические игры, имеющие четкую образовательную цель и познавательную направленность.

На уроках литературного чтения в начальной школе игровая форма реализуется через игровые приемы и ситуации, мотивирующие учащихся к учебной деятельности. Моделирование — это метод познания интересующих нас объектов через модели. Игровое моделирование — метод, который позволяет сделать процесс чтения более увлекательным, эмоционально насыщенным и личностно значимым. Он используется на уроках литературного чтения в начальной школе для формирования читательского интереса, развития речи, мышления, коммуникативных навыков и эмоционального отклика.

Игровое моделирование имеет большие возможности, поскольку игра как модель объективной реальности делает более понятной ее структуру и вскрывает важные

причинно-следственные связи. По мнению В. С. Кукушина, реализация игровых приёмов и ситуаций при урочной форме занятий происходит по таким основным направлениям: дидактическая цель ставится перед учащимися в форме игровой задачи; учебная деятельность подчиняется правилам игры; учебный материал используется в качестве её средства, в учебную деятельность вводится элемент соревнования, который переводит дидактическую задачу в игровую; успешное выполнение дидактического задания связывается с игровым результатом [8].

При использовании игровых технологий на уроках важно соблюдать несколько условий. Игры должны соответствовать учебным и воспитательным целям, учитывая подготовленность и психологические особенности учащихся. Также следует помнить, что игра является средством для содействия сотрудничеству, а не самоцелью, что требует умеренности в их применении. Игровые технологии занимают важное место в учебно-воспитательном процессе, так как не только способствуют воспитанию познавательных интересов и активизации деятельности учащихся, но и выполняют ряд других функций.

Т. М. Михайленко отмечает: «Место и роль игровой технологии в учебном процессе, сочетание элементов игры и ученье во многом зависят от понимания учителем функций педагогических игр. Функция игры — ее разнообразная полезность. У каждого вида игры своя полезность» [10].

В качестве первого принципа использования игровых приемов на уроках в начальной школе Т. Г. Акинфеева выделяет принцип активности и самостоятельности. Игровые приемы должны активизировать мыслительную деятельность учащихся и стимулировать их к самостоятельному поиску решений. Дети должны быть активными участниками игры, принимать активное участие в обсуждении, анализе и решении задач [2].

Второй — принцип системности и последовательности. Игровые приемы должны быть организованы в систему, которая позволяет последовательно развивать и углублять знания и умения учащихся. Важно, чтобы игры строились на основе уже изученного материала и позволяли закрепить его, а также вводили новые элементы и понятия.

Третий — принцип доступности и интересности. Игровые приемы должны быть доступными для всех учащихся и вызывать интерес к изучаемому материалу. Игры должны быть разнообразными и увлекательными, чтобы мотивировать детей к активному участию и усвоению новых знаний.

Рассмотрим цели использования игровых приемов на уроках литературного чтения. Во-первых, это развитие речи и мышления. Игровые приемы на занятиях помогают учащимся улучшить речь, увеличить словарный запас и развить логическое мышление. Во-вторых, происходит активное формирование коммуникативных навыков у учащихся. Игровые приемы на уроках тренируют умения слушать, понимать других и работать в группе. В-третьих, наблюдается развитие творческой активности детей. Использование игровых приемов на уроках литературного чтения способствует оригинальному мышлению и креативности младших школьников. В-четвертых, важно формирование познавательного интереса у каждого ученика. Игровые приемы на уроках вызывают интерес к художественному слову, литературе и культуре, способствуя обучению и развитию познавательных способностей учащихся младших классов.

По мнению Д. Н. Узладзе [18], игра является формой психогенного поведения, т. е. внутренне присущего, имманентного личности. Игру как пространство «внутренней социализации» ребенка и средство усвоения социальных установок рассматривал Л. С. Выготский [5]. А. Н. Леонтьев [9] отмечал, что игра, это как свобода

личности в воображении, «иллюзорная реализация нереализуемых интересов». Наиболее полное определение представлено у В. С. Кукушина. Ученый считает, что игра — это вид деятельности в условиях ситуации, направленной на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором формируется и совершенствуется самоуправление поведением [8].

По-другому игру описывал Б. П. Никитин, который считает, что игра — это набор задач, которые решает ребенок с помощью дидактического материала. Технология развивающих игр Б. П. Никитина интересна тем, что программа игровой деятельности состоит из набора развивающих игр, которые при всем своем многообразии исходят из общей идеи и обладают характерными особенностями [11].

По определению Г. К. Селевко, игровая технология — это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением [14, с.50]. В. Е. Скачок, В. В. Баранов, А. А. Котлярович рассматривают использование игровых форм обучения как способ активизации учебного процесса: «Игровые формы занятий помогают сделать любой учебный материал увлекательным, что вызывает у учеников глубокое удовлетворение, создаёт радостное рабочее настроение, облегчает процесс усвоения знаний» [15, с. 263]. Г. В. Евстифеева даёт следующее определение: игровые приёмы — это способность решения учебных задач и формирование у детей интереса к учебной деятельности [7].

Таким образом, мы видим, что взаимосвязь между понятиями «игра», «игровые приёмы» и «игровые технологии» заключается в том, что игра является основой, на которой строятся игровые приёмы и используются игровые технологии. Игровые приёмы, в свою очередь, используются для того, чтобы сделать игровой процесс более системным, целенаправленным и эффективным. Игровые технологии вводят новые возможности и инструменты, позволяющие современным образовательным методам и приёмам проявиться в полной мере, расширяя границы игрового обучения и обогащая образовательный процесс для достижения лучших результатов.

Один из самых сложных и ответственных этапов в жизни ребенка — это начало обучения в школе. Дети шести — семи лет переживают психологический кризис, связанный с необходимостью адаптации в школе. Об этом пишет в своей статье Н. К. Абыгазиева: «У ребенка происходит смена ведущей деятельности: до обучения в школе дети заняты преимущественно игрой, а с приходом в школу начинают овладевать учебной деятельностью» [1, с. 55].

Во время урока-игры у детей развиваются мыслительные процессы, изучаемый материал усваивается и запоминается лучше, чем на обычных уроках. Использование игровых занятий в начальной школе не только способствует повышению интереса к учебе, но также улучшает качество самого обучения. Как сказал великий педагог К. Д. Ушинский, «...в игре ребенок живет, и следы этой жизни глубже остаются в нем, чем следы действительной жизни, в которую он не мог еще войти по сложности ее явлений и интересов. В игре дитя, уже зреющий человек, пробует свои силы» [19].

Педагог должен быть исследователем, способным идентифицировать и понимать педагогико-методологическую проблему, показывать пути ее решения на теоретическом и практическом уровнях, использовать результаты своих научных исследований в учебном процессе. Одной из важных задач педагога является стимулирование и мотивация учащихся к активной учебной деятельности.

Игровые уроки в начальной школе являются уникальными формами обучения, которые позволяют сделать интересными и увлекательными работу учащихся на творческо-поисковом уровне при изучении художественных произведений в младших классах. Занимательность условного мира игры делает положительно эмоционально

окрашенной монотонную деятельность по запоминанию, повторению, закреплению или усвоению информации, а эмоциональность игрового действия активизирует все психические процессы и функции ребенка.

В игровой деятельности ребенок постепенно интегрируется в единое жизненное пространство, приобретает знания об окружающем мире и способах его познания, формирует коммуникативные нормы, ценности и оптимальный уровень осведомленности, поскольку, как отмечает Т. П. Плахтий, «Моделирование ситуаций позволяет участникам игры экспериментировать» [12, с. 114].

По мнению О. Ю. Головко, «...с помощью развивающих игр можно привлечь внимание детей к теме, развить их интерес и пробудить интерес к усвоению знаний. Во время урока-игры у учащихся развиваются мыслительные процессы, и изучаемый материал усваивается и запоминается лучше, чем на обычных уроках» [6, с. 160].

Также важно на уроках литературного чтения в общеобразовательной школе применять игры, которые известны учащимся с детства. Они сталкиваются с уже знакомыми правилами и приобретают или закрепляют необходимые знания, выполняя уже привычные для них игровые задания. Применяются следующие формы игровой деятельности на уроках литературного чтения: урок-путешествие, урок-экскурсия, дидактическая игра, урок-сказка, урок-эстафета, урок-кроссворд, игры со словами, занимательные диктанты и другие.

Использование игр на уроках в начальной школе очень важно, ведь такие игры помогают учителю создать благоприятную атмосферу для продуктивной работы, положительно влияют на мотивацию обучающихся, сформируют необходимые навыки и умения. Одна из главных ролей учителя — побуждать и мотивировать учащихся к активной учебной деятельности, ведь младшие школьники обычно преследуют только развлекательные цели. Фактически, данный тип деятельности помогает добавить разнообразия иногда монотонным и типичным занятиям в классе.

Игра может стать неотъемлемой частью урока. Этот метод обучения трудно переоценить, ведь он, как ничто другое, помогает в усвоении, закреплении знаний, учит сравнивать, анализировать, изучать и обобщать в интересной форме. А учитель, в свою очередь, может контролировать несколько процессов. Игровой деятельности на занятиях отводится одна из важнейших ролей в системе обучения и целостного воспитания младших школьников.

Благодаря играм ребенок непосредственно развивает не только речь, но и воображение, мышление, память. Игра — это незаменимый инструмент в становлении личности младшего школьника, с помощью которого можно повысить интерес к художественному тексту и сделать изучение учебного предмета более увлекательным. На уроках литературного чтения использование игр способствует развитию читательского интереса младших школьников. Перспективным направлением данного исследования является обобщение методических подходов к актуализации игровой деятельности на уроках литературного чтения в начальной школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдыгазиева, Н.К. Применение игровых технологий на уроках русского языка / Н.К. Абдыгазиева, Н.К. Календерова // Бюллетень науки и практики. — 2021. — № 7. — С. 291-294. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenie-igrovyh-tehnologiy-na-urokah-russkogo-yazyka> (дата обращения: 18.11.2025).
2. Акинфеева, Т. Г. Элементы занимательной лингвистики на уроках русского языка в начальной школе как инструмент формирования орфографической грамотности / Т.Г. Акинфеева. — Красноярск: СФУ, 2019 — [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://elib.sfukras.ru/bitstream/handle/2311/125426/akinfieva_t.g._diplom.pdf?sequence=1 (дата обращения: 17.11.2025).

3. Блонский, П.П. Психология и педагогика. Избранные труды / П.П. Блонский. — 2-е изд., стер. / П.П. Блонский. — Москва: Юрайт, 2020. — 184 с.
4. Бордовская, Н. В., Реан, А. А. Педагогика: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2008. — 304 с.
5. Выготский, Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка / Л.С. Выготский. — Санкт-Петербург: Эксмо, 2012. — 79 с.
6. Головко, О.Ю. Содержание дидактических игровых технологий на уроках русского языка в третьем классе / О.Ю. Головко // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы. — 2020. — С.160-164.
7. Евстифеева, Г.В. Игровые приёмы на занятиях техническим творчеством. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovye-priyomy-aktivizatsii-uchebnogo-protsess> (дата обращения: 11.11.2025).
8. Кукушин, В.С. Педагогические технологии: учебное пособие для студентов педагогических специальностей / В.С. Кукушина. — Ростов н/Дону, 2007. — 320 с.
9. Леонтьев, В. Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования / В. Г. Леонтьев. — Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2012. — 264 с.
10. Михайленко, Т. М. Игровые технологии как вид педагогических технологий / Т.М. Михайленко. — Текст: непосредственный // Педагогика: традиции и инновации: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2011 г.). — Т.1. — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 140-146. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/19/1084/> (дата обращения: 03.11.2025).
11. Никитин, Б.П. Технология развивающих игр / Б.П. Никитин // Педагогика. —2006. — 421 с.
12. Плахтий, Т.П. Использование методов интерактивного обучения в профессиональной подготовке будущих педагогов / Т.П. Плахтий // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей VI Международного симпозиума (8 –12 июня 2022 г.). В 2-х томах. — Т. 2. Редколлегия: И. П. Зайцева, Е.М. Маркова, Т.С. Чабаненко, Е.М. Шахова [и др.]. Симферополь, 2022 — С. 109-114. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=fjglim> (дата обращения: 18.11.2025).
13. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии — Издательство: Питер, 2002 г. — 720 с.
14. Селевко, Г.К. Современные образовательные технологии / Г.К. Селевко. — Москва: Просвещение, 1998. — 445с.
15. Скачок, В.Е., Баранов, В.В., Котлярович, А.А. Игровая форма учебного процесса как способ вовлечения учащихся // Молодой учёный — 2019. — № 39 (277). — С. 263-265. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/277/62690/> (дата обращения: 11.11.2025).
16. Специальная психология : учеб, пособие / Е.С. Слепович [и др.]; под ред. Е.С. Слепович, А.М. Полякова. — Минск: Выш. шк., 2012. — 511с.
17. Сухомлинский, В.А. Труд и игра в педагогическом процессе. / В.А. Сухомлинский. — Москва: «Просвещение», 2022. — 152 с.
18. Узнадзе, Д.Н. Игра. Теория функциональной тенденции / Д.Н.Узнадзе // Антология гуманной педагогики: Узнадзе. — Москва: Просвещение, 2000. — 136с.
19. Ушинский, К. Д. Избранные труды. — В 4 кн. — Кн. 4: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Программы педагогического курса для женских учебных заведений. — Москва: Дрофа, 2015. — 544 с.
20. Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека / Ф. Шиллер. — Москва: Рипол-Классик, 2020. —242 с.

Поступила в редакцию 25.11.2025 г.

E. V. Lavrenchuk, E. A. Logvina

GAME MODELING AS A METHOD OF DEVELOPING READING INTEREST IN YOUTH SCHOOL STUDENTS

The article discusses the specifics of game modeling, which is expressed in the presence of a specific educational goal and the expected result of educational game activities of younger students in literature reading lessons at primary school. According to the authors of the article, the game is an effective means of forming students' reading interest, and game lessons help to deepen knowledge, form communicative activity, increase self-esteem, and activate mobility. Game pedagogical technologies represent a wide range of teaching methods and techniques based on the use of various pedagogical techniques and game models. The game modeling method, which is used in elementary school literature classes, helps to develop reading interest and thinking in young students.

Keywords: game modeling, primary school students, game activities, and reading interest.

Лавренчук Елена Викторовна
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: lavrenchuk.yelena@mail.ru

Логвина Ева Александровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Студент
E-mail: evalogvina72@gmail.com

Плахтий Татьяна Петровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Старший преподаватель кафедры дошкольного и
начального педагогического образования.
E-mail: plachtijt@mail.ru

Lavrenchuk Elena Viktorovna
Donetsk State University,
Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: lavrenchuk.yelena@mail.ru

Logvina Eva Alexandrovna
Donetsk State University,
Donetsk, RF.
Student.
E-mail: evalogvina72@gmail.com

Plakhtiy Tatyana Petrovna.
Donetsk State University,
Donetsk, RF.
Senior Lecturer of the Department of Preschool and
Primary Pedagogical Education.
E-mail: plachtijt@mail.ru

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 82-1

DOI: 10.5281/zenodo.18074872

С. П. Ошайко © 2025

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук Ю. В. Шатин)*

МОТИВ СНА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

В статье рассматриваются особенности функционирования мотива сна в ранней лирике Н. А. Заболоцкого с точки зрения сюжетогенного и хронотопического потенциала. Актуальность исследования обусловлена неослабевающим интересом к творчеству представителей ОБЭРИУ в контексте изучения литературы модернизма.

Материалом исследования выступили стихотворения «Гаснут знаки зодиака» и «Фигуры сна». В рамках исследования была использована методика мотивного анализа, позволившая охарактеризовать связь мотива сна с другими ключевыми мотивами и выявить семантику названного мотива на парадигматическом и синтагматическом уровнях стихотворений. Использование методов интертекстуального и интермедиального анализа способствовало уточнению механизмов и способов переосмыслиния романтической, символистской и фольклорной традиций в контексте раннего творчества Н. А. Заболоцкого. Особое внимание было направлено на выяснение хронотопического и сюжетогенного потенциала мотива сна с учетом индивидуальной авторской поэтики.

Исследование выявило, что ключевая роль мотива сна при построении хронотопа и сюжета лирического произведения, а также способность актуализировать индивидуальную авторскую поэтику, обусловлена полисемантической природой указанного мотива, который, с одной стороны, является мощным инструментом актуализации интертекстуальных и интермедиальных связей и в то же время отсылает к мифологическому контексту.

Ключевые слова: Н. А. Заболоцкий, сон, мотив, сюжет, хронотоп.

В нач. XIX в. наблюдается усиленный интерес к явлениям, ранее остававшимися за пределами науки. Как замечает Р. Барт, «Смешение странного с научным достигло апогея люди были страстно увлечены научным наблюдением сверхъестественных феноменов (магнетизм, спиритизм, телепатия и т. д.)...» [1, с. 433] Наука, стремясь расширить сферу влияния, неизбежно соприкасалась с искусством. Основные тенденции этого процесса можно выявить, сравнивая особенности функционирования онейрических мотивов в творчестве немецких романтиков и взгляды французских психиатров 1840–1860-ых.

Для романтика сон — время приобщения к тайнам души, возвращение к самому себе. Пространство сновидения часто отождествляется с мечтой и детством, которые явно противопоставлены дневному миру, находящемуся во власти разума. В то же время сон, являясь частью ночного мира, имеет ряд негативных свойств. Онейрическое пространство может выступать своеобразным эквивалентом реального мира и при этом быть абсолютно непознаваемо и агрессивно по отношению к герою. Так, в драме Г. фон Клейста «Кетхен из Гейльбронна» господствует логика сна: действия персонажей иррациональны, композиция произведения фрагментарна, ключевыми приёмами являются гипербола, экспрессия, использование натуралистических элементов. Героиня всецело находится во власти любви, она смутно понимает, что

происходит, и только вмешательство сверхъестественных сил обеспечивает благополучную развязку.

В творчестве Э. Т. А Гофмана онейрические мотивы функционируют сходным образом: герои, находясь сне, часто лишаются воли и попадают под власть темных сил или перестают контролировать низменные желания «Магнетизер», «Вампир», «Мадемуазель де Сюдери», «Песочный человек». Автор «Песочного человека» одним из первых говорит о разрушении единства между волей, разумом и чувством, об эротическом подтексте сновидений и об опасностях, которым грозит человеку бегство от реальности.

Французские психиатры анализируют сон в рамках позитивской методологии. Таким образом, сон, лишенный романтического ареола непосредственно отождествляется с бредом и безумием [2, с. 480–482].

Следующая волна интереса к феномену сна наблюдается в 1870–1910-ые. Она непосредственно связана с деятельностью Ж. М. Шарко, П. Жане, Э. Бернгейма, З. Фрейда и отражает существенные грани полемики по поводу гипноза, психических автоматизмов и роли бессознательного в структуре личности [3].

На рубеже веков данная тематика оказывается в центре внимания писателей эпохи модерна, в первую очередь драматургов: А. Стриндберга, Г. Гауптмана, М. Метерлинка и А. Шницлера.

В драме «Соната призраков» логика сюжета разворачивается по законам сна: реплики персонажей часто непредсказуемы, а само место действия оказывается пространством на грани бытия и небытия.

Трагикомедия А. Шницлера «Карусель» напоминает поздние пьесы А. Стриндберга, о чем несомненно свидетельствуют, фрагментарная композиция, сочетание натуралистичности и сентиментальности, иронии и трагического пафоса. В то же время нельзя не заметить влияние З. Фрейда: логика сюжета демонстрирует подчинение человека неосознанным влечениям и способствует переосмыслению феномена любви в натуралистическом ключе, а сами персонажи неизбежно должны предстать перед лицом смерти, завершив путь от Эроса к Танатосу [4, с. 359–361].

Заметим, что даже поверхностный обзор онейрических мотивов в литературе кон. XIX – нач. XX вв. выявляет двойственность функционирования мотива сна, отражая несомненные связи между искусством эпохи Романтизма и модернистским искусством. Действительно, сон, с одной стороны, определяет логику развития сюжета и манифестирует внутренние переживания героя, с другой – является хромотипическим мотивом, т. е. обнаруживает структурную близость и присваивает себе функции хронотопа, конструируя художественный мир произведения и определяя характер взаимоотношения героя и внешней среды в первую очередь через актуализацию пространственно-временных характеристик [5, с. 86–87]. Отметим, что подобное разграничение не всегда возможно.

Творчество русских символистов — яркий пример полифункциональности онейрических мотивов. Во многих стихотворениях К. Д. Бальмонта окружающий мир уподобляется сну, «покрывалу Майи», а пробуждение поэта манифестирует выход к подлинной реальности. Однако лирика Бальмонта, на наш взгляд, лишена психологизма, а нелирические мотивы служат прежде всего для конструирования хронотопа и усиления экспрессии. Непостоянство зыбкость, миражность, становятся имманентны окружающему миру: противопоставление сна и бедствования оказывается под сомнением.

Ф. К. Сологуб разворачивает перед читателем авторскую феноменологию сна. При этом он весьма четко разграничивает сон и мечту, акцентируя связь последней с творчеством и преображением мира, в то время как сон несмотря на свое внутреннее

тождество смерти, обуславливающее его непреодолимую власть над лирическим героем, оказывается тесно связан с тревожным ожиданием, блужданиями, изменённым состоянием сознания [6, с. 239–245].

Роман Андрея Белого «Петербург» — вершина символистской прозы — наиболее полно демонстрирует возможности использования онейрических и пааноидальных мотивов. Действия персонажей и связи между эпизодами, несмотря на наличие внешнего сюжета, во многом обусловлены ассоциативной логикой сна.

Вспомним хотя бы первую беседу Шишнарфне и Дудкина и последующее за этим видение: «Черный контур там, на фоне окна, в освещенной луною каморке становился все тоньше, воздушное, легче; он казался листиком темной, черной бумаги, неподвижно наклеенным на раме окна; звонкий голос его, вне его, сам собой раздавался посередине комнатного квадрата; ...», «„Вы, господин Шишнарфнэ“, — говорил Александр Иванович, обращаясь к пространству (Шишнарфнэ-то ведь уже не было), — „может быть являетесь паспортистом потустороннего мира?“» «„Оригинально“», — трещал, отвечая себе самому Александр Иванович, — верней трещало из Александра Ивановича...», — а затем — «По камням понеслось тяжелозвонкое цоканье — через мост: к островам. Пролетел в туман Медный Всадник; у него в глазах была — зеленоватая глубина; мускулы металлических рук — распрымились, напружились; и рванулось медное темя; на булыжники конские обрывались копыта, на стремительных, на ослепительных дугах; конский рот разорвался в оглушительном ржании, напоминающем свистки паровоза; густой пар из ноздрей обдал улицу световым кипятком...» [7, с. 297, там же, 298, 301].

Зацикленность на второстепенных деталях, своеобразие точек зрения и фрагментарный характер повествования предвосхищают поэтику европейских сюрреалистов и ОБЭРИУтов. Члены ОБЭРИУ актуализируют традицию использования онейрических и пааноидальных мотивов, характерную для русского символизма и в тоже время своеобразно ее переосмысляют (особенно Даниил Хармс). В первую очередь для них оказываются значимыми сюжетогенные возможности мотива сна, направленные на разрушение логических связей и погружение читателя «в состояние восприятия, где сознательное и бессознательное пересекаются» [8, с. 155]. Лирические субъекты ОБЭРИУтов демонстрируют сильные эмоциональны переживания и отказ от рационализации; художественные миры насыщаются, визуальными метафорами и символическими конфликтами, которые выходят за пределы буквального прочтения...», а «сюжет перестает быть последовательной историей и становится ассоциативной структурой, где эмоциональное напряжение вырастает из образов, а не из событий» [9]. В данном контексте обращает на себя внимание многочисленное использование метонимий, овеществлений и олицетворений в лирике ОБЭРИУТОВ, призванных с одной стороны выявить агрессию и непознаваемость окружающего мира, а с другой — актуализировать ахритипические и личные структуры бессознательного и тем разрушительный характер чувственных влечений.

Анализ функционирования онейрических мотивов в ранних стихотворениях Н. А. Заболоцкого «Меркнут знаки Зодиака», «Фигуры сна» позволил выявить особенности индивидуальной авторской поэтики и продемонстрировал ее тесные связи с философско-эстетическими концепциями представителей Объединения реального искусства.

Первые строфы стихотворения «Меркнут знаки Зодиака», казалось бы, отсылают к традиции лирики эпохи Просвещения и актуализируют тему познания природы, данное впечатление усиливают предикативные конструкции, напоминающие определения из естественно-научных энциклопедий, однако первое впечатление обманчиво — поэт разрушает едва намеченную линию восприятия эклектическим

образом и абсурдным действием персонажа в строках 4–8: «Меркнут знаки Зодиака // Над просторами полей. // Спит животное Собака, // Дремлет птица Воробей. // Толстозадые русалки // Улетают прямо в небо, // Руки крепкие, как палки, // Груди круглые, как репа» [10, с. 155].

И если образы воробья и собаки целостны прежде всего благодаря своей одномерности и соотнесенности с научным дискурсом, то образы русалок, траверсированные посредством иронии и натуралистического эпитета отсылают к романтической традиции и фольклору. Обобщенные иронические описания русалок, построенные на сравнении и овеществлении, также свидетельствует о содержательном переосмыслинии традиции.

Постепенно, читатель начинает догадываться, что особенности конструирования образов, развитие сюжета, использование тропов определяются внутренней логикой сна. Действительно, закономерности соединения признака и предмета часто оказывается скрыты, сюжет разворачивается в рамках комической модальности, а границы между персонажем, животным растением и предметом оказываются неустойчивы, в пользу чего свидетельствует обилие овеществлений и лексических контаминаций: «Ведьма, сев на треугольник, // Превращается в дымок. // С лешачихами покойник // Стойко пляшет кекуок» [Там же, с.155–156].

Н. А. Заболоцкий принципиально уклоняется от интерпретации происходящего в рамках одной культурной традиции, в то же время единство происходящего обуславливается не только особой логикой, но и нахождением персонажей в области сна. Н. А. Заболоцкий подчеркивает агрессивность и принципиальную непознаваемость онейрического пространства, избирая контаминацию главным принципом создания поэтических образов. О центральном значении принципа контаминации свидетельствуют прежде всего использование разностилевой лексики, овеществления и актуализация различных культурных традиций.

Поэт маркирует негативный характер происходящего, используя образы, связанные с народной демонологией и натуралистические детали, а также соединяя комические и эротические коннотации.

Традиционные для модернистского искусства мотивы танца, дыма, луны и воды играют ключевую роль в построении онейрического хронотопа. В искусстве кон. XIX – нач. XX вв. мотив танца обладает двойственной коннотацией, одной стороны, он актуализирует эмоциональные переживания субъекта, манифестируя отказ от рационального взгляда на мир [11], с другой — оказывается тесно связан с потерей воли и акцентирует усиление чувственных влечений. Особенности функционирования мотива танца, отождествленного с бесовской пляской, находят свои истоки в средневековой литературе [12, с.352–354]. При этом разные уровни пространства оказываются изоморфны другу не только из-за охватывающей их бесовской пляски, но также из-за иллюзорной вертикали, выстроенной посредством мотивного ряда луна–дым–вода.

Так, мотив дыма в контексте модернистского искусства часто выступает эквивалентом тумана и обнаруживает двойственную семантику. С одной стороны, дым маркирует усиление эмоционального переживания и расширение границ познания за счет интуиции, с другой стороны, наличие дыма обуславливает непознаваемость пространства, а также свидетельствует об обмане со стороны представителей низшей демонологии. [13]

Н. А. Заболоцкий усиливает негативные коннотации мотива дыма, включая его в мотивные комплексы полета и оборотничества, параллельно связывая дым с образом ведьмы. Согласно народным представлениям, полет, также, как и способность менять внешний вид, является атрибутом ведьм и колдунов, а также маркирует их

принадлежность к стихии воздуха, традиционно находящейся во власти дьявола [12, с. 94–97]. Что касается мотива луны, заметим: луна, являясь одним из центральных мифопоэтических мотивов, традиционно отождествляется с водой, сочетая в себе чувственность и бесстрастие, способность порождать иллюзии и актуализировать экстрасенсорные способности [14, с. 78–80]. Однако в стихотворении Заболоцкого усиливаются прежде негативные коннотации луны, непосредственно связанные с чувственным влечением и смертью, при этом «неподвижный лик луны» напрямую отождествляется с «плошкой воды», усиливая изоморфизм и непознаваемость пространства: «Над землей луна висит. // Над землей большая плошка // Опрокинутой воды» [10, с. 156].

Временная характеристика онейрического мира также ставится под сомнение. Поэт приходит к выводу, что в пространстве сна различие между прошлым и будущим теряет актуальность: «Кандидат былых столетий, // Полководец новых лет, // Разум мой! Уродцы эти — // Только вымысел и бред» [там же]. Есть лишь условное «настоящее», которое объявляется «бредом и вымыслом», обнажая иллюзорность всеохватывающих притязаний разума: Разум, бедный мой воитель, // Ты заснул бы до утра // Что сомненья? Что тревоги?» [там же: с. 156].

В то же время поэт не в силах разрушить чары сна и призывает смириться, не оставляя, однако, надежду на пробуждение, о чем свидетельствует travestийный образ картошки: «Поздно, поздно. Спать пора...» // «Засыпаем на пороге // Новой жизни молодой», «Спит растение Картошка. Засыпай скорей и ты!» [там же: с. 156–157]

И. В. Силантьев так определяет ключевые особенности лирического сюжета: «Закон фабульной связности, необходимый для эпического произведения, не распространяется на поэтику лирического текста. Поэтому читатель, освобожденный от задачи и необходимости совершать реконструкцию фабулы, весь свой творческий потенциал прочтения и понимания произведения направляет на поиск смысловой конструкции лирического сюжета как такового» [5, с. 331]. Таким образом, главенствующая роль принципа контоминации в построении онейрического хронотопа обусловлена самой природой лирического сюжета. Названный принцип не теряет своей актуальности в стихотворении «Фигуры сна», однако спектр присущих ему функций усложняется и расширяется, обуславливая смешение художественных модусов, характерное для поэтики авторов эпохи модерна, и актуализируя глубинный смысл произведения. С другой стороны, именно фольклорная семантика выстраивает архетипический сюжет стихотворения — в народных представлениях сон часто отождествляется со смертью или путешествием души в иной мир [15, с 444446]. Связь сна и путешествия в иной мир имплицитно присутствует в заглавии стихотворения: одно из неочевидных значений лексемы фигура, указывает на то, что спящий собирается совершить некое действие: «Фигура. Положение, позиция, принимаемая кем-чем-нибудь при исполнении чего-нибудь в движении (в танце, фехтовании, катании на коньках, полете в воздухе и т. д.)» [16, с. 1272 стб. 2]. Особое значение приобретает тот факт, что лирический герой начинает путешествие будучи неподвижным: отказ от движения свойственного реальному миру т. е. «прекращение бега» манифестирует изменение хронотопа, ключевыми характеристиками которого выступают непознаваемость и способность усиливать чувственные влечения.

Непознаваемость онейрического хронотопа и его глубинное соответствие иному миру с самого начала актуализируется через парофразы: «Не месяц — длинное бельмо... // не звезды — канарейки ночи» [10, с. 130].

Лирический герой стремится к постижению внутренней сути, фокусируя взгляд на обстановке. Возникает кинематографическая перспектива: «крупный план» строится благодаря переходу от предмета к предмету, однако всматривание не приносит

желаемых результатов. Художественные приемы, использованные для описания младенцев, только усиливают негативные коннотации. Овеществление младенцев и приписывание им териоморфных характеристик, актуализирует мифологические представления о тождестве человека, предмета и животного, а также свидетельствует о том, что онейрическая логика развития сюжета базируется прежде всего на чувственном переживании и оказывается тесным образом связана с бессознательным: «большие белые тела // едва покрыло одеяло, // они заснули как попало: // один в рубахе голубой // скатился к полу головой, // другой, застыв в подушке душной, // лежит сухой и золотушный, // а третий — жирный, как паук...» [там же. с.130–131].

По мнению И. Д. Ермакова, тотальный характер логики сна, проявляется в комбинировании и деконструкции образов, усвоенных человеком во время бедствования из различных сфер жизни: эмпирического опыта, искусства, коммуникации — и демонстрирует устойчивую связь между индивидуальным и коллективным бессознательным [17, с. 262–296].

С этой точки зрения весьма интересны эпитеты и сравнения, которыми Н. А. Заболоцкий «награждает» младенцев. Болезненность и чувственность младенцев усиливается посредством использования мотивов и принципов конструирования образа, характерных для модернистки литературы кон. XIX – нач. XX вв. Руки третьего младенца сравниваются «с живыми снастями», а сам он «корчится от страсти», явно не контролируя свои действия.

Усиление чувственной доминанты в изобразительном и словесном искусствах, интерес к феномену абулии и психического автоматизма, разрушение отношений часть целое являются ключевыми характеристиками искусства эпохи модерна [18]. В этом отношении интересно своеобразное использование мотива паука. Названный мотив впервые появляется в лирике Ш. Бодлера, аккумулируя широкий диапазон негативных переживаний: агрессия, скука, ужас, уныние. При этом нельзя не отметить двойственную природу мотива, который, с одной стороны, актуализирует чувственное влечение и агрессию, а с другой — демонстрирует бессмысленность существования и тоску лирического героя.

В русской литературе мотив паука имеет устойчивое словесное оформление и набор репрезентантов. Так, негативная коннотация паучьего мотива, связанная с агрессией и чувственным влечением, в основном, маркирует тексты символистов. Отметим интересную деталь: в романах Андрея Белого паук часто отождествляется с вампиром. Этот синтетический образ приобретает символическое значение: паук-вампир управляет индивидуальной судьбой героя, встраивая ее в контекст эпохи, и усугубляет проявления зла в мире. Несколько позже Андрей Белый непосредственно отождествит город с огромным пауком в ряде критических статей. Ключевой образ статьи А. А. Блока «Безвременье» — гигантская паучиха — демонстрирует иной вектор осмысливания паучьих мотивов в отечественной литературе.

Уместно предложить, что, актуализация обстоятельственных значений названного мотива апеллирует к традиции, представленной в творчестве Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и К. К. Случевского, для которых важен не столько образ паука, сколько тягостное чувство тоски, возникающее при соприкосновении с паутиной или нахождении в замкнутом пространстве (см.: сон Свидригайлова).

Несмотря на различия словесного оформления мотива паука для нас принципиальна связь данного мотива с городским топосом и негативными переживаниями, которые варьируются в диапазоне от «черной тоски» и безысходности до неконтролируемой страсти и агрессии. Мы полагаем, что особенности использования Н. А. Заболоцким паучьего мотива продолжают традицию русского символизма и в тоже время указывает на ее содержательное переосмысливание. Сходство

с пауком является атрибутом не всех младенцев, а только лишь третьего, следовательно, оно не может быть прочитано как символ. Глубинное содержание указанного эпизода обнаруживается благодаря принципу мифологического тождества «все во всем», позволяющему варировать спектр художественных приемов, тем самым способствуя усилению эмоционального переживания и репрезентации авторского переосмысление традиционных мотивов.

Сны третьего младенца — еще один ключ к пониманию особенностей индивидуального переосмысления Н. А. Заболоцким ключевых мотивов романтизма и символизма. Погоня за «призрачными подругами» отсылает нас к характерным для романтической традиции образам сильфид и в то же время траверсирует мотив прекрасной дамы. Действия младенца подчинены чувственному влечению — таких «прекрасных дам» может быть сколько угодно и отличительных признаков они не имеют. Онейрический хронотоп конструируется посредством традиционного романтического приёма «сон во сне», отсылающего к творчеству Н. В. Гоголя, Э. Т. А. Гофмана и Г. фон Клейста. Характерно, что такие сны в большинстве случаев демонстрируют тёмные стороны личности и маркируют подчинение героя силам зла, апеллируя к чувственным желаниям [19, с. 221–240].

Предметный мир стихотворения не менее интересен. Контаминации предмета и образа, связанного с Ветхозаветной традицией свидетельствуют об агрессии, характерной для онейрического пространства. При этом негативные эмоции вызывает не сама контаминация, а следующее затем травестийное переосмысление образов и мысль о том, что библейская традиция оказывается не связана с истиной и не способна обеспечить познание окружающего мира, тем самым ставя под сомнение его безопасность: «Там шкаф глядит царем Давидом — // он спит в короне, толстопуз; // кушетка Евой обернулась— // она — как девка в простины» [10, с. 130].

В контексте рассмотрения онейропоэтики ранних стихотворений Н. А. Заболоцкого нельзя не заметить своеобразное переосмысление мотива лампы в последней строфе. Для русской поэзии XIX в. лата — поэтический топос, маркирующий безопасное пространство. Вторая не менее важная функция лампы — усиление эмоционального переживания и обеспечение контакта между лирическим героем и его невидимым собеседником «соседом». Такое общение без слов позволяет углубить рефлексию лирического героя, актуализирует эмоциональное переживание и заключает в себе возможность преодоления романтического солипсизма через построение диалога в том числе с использованием визуальных приемов [20, с. 20–22]. В стихотворениях, традиционно называемых молитвами, лампа превращается в лампаду, а собеседником поэта оказывается Бог, при этом усиливается медиативная сторона лирического произведения.

Лампада и лампа могут быть отождествлены как инварианты мотива — источник света. Многочисленные упоминания света в библии, связаны прежде всего с божественной властью и созидательной способностью, в то же время свет маркирует индивидуальное переживание контакта с богом и приобщение к истине [21]. В Древнерусской литературе свет также непосредственно связан с истиной и богопознанием, о чем свидетельствуют труды исихастов. Актуализация взаимосвязи света и власти происходит в XVII–XVIII вв. с подачи Семиона Погоцкого, который отождествляет царя и Христа-солнце. Указанную тенденцию перенимает Ломоносов, однако вместо Христа у него фигурирует «светило», «дневное светило», играющее роль эвфемизма по отношению к монарху и выступающее как инструмент преображения действительности и обязательное условие познания. Таким образом, мотив солнца переосмысливается в контексте установок эпохи Просвещения. Затем происходит разделение: свет как атрибут власти сопровождает официальную риторику и

панегирические жанры. а свет в качестве инструмента, обеспечивающего самопознание, общение с богом и актуализирующий медитативную потенцию стихотворения, оказывается важным мотивом поэзии «золотого века».

Однако в стихотворении Н. А. Заболоцкого лампа не может наполнить светом окружающий мир, а лирический герой оказывается изолирован в пространстве гротескного сна, о чем свидетельствует травестийное отождествление лампы с мотивом голубя, который обычно ассоциируется с надеждой, и разрушение иерархии, в результате чего лампа уподобляется «простой стамеске»: «И лампа медная в окне, как голубок веселый Ноев, — едва мерцает, мрак устроив, с простой стамеской наравне» При этом важную роль в создании образа лампы играет материал, из которого она сделана. Согласно античной мифологии, медь — один из атрибутов Афродиты — традиционно связывалась с чувственным влечением и выступала «земным аналогом планеты Венеры» [22, с. 165]. Таким образом, необычная роль лампы в стихотворении обусловлена синтезом античной и христианской традиций в рамках узнаваемого образа.

Отождествление мотивов в пространстве сна и невозможность диалога усиливается, если принять во внимание функции стамески, которая выступает как центр инобытийного пространства и как сакральный предмет, аккумулирующий сон, который заполняет пространство комнат «А там — за черной занавеской, во мраке дедовских времен, старик-отец, гремя стамеской, премудрости вкушает сон» Показательно, что место в котором располагается стамеска, отделено как пространственной так и временной дистанцией, а мифический первопредок (старик-отец) лишен атрибутов власти и также находится под воздействием сна. Именно поэтому мы склонны рассматривать «сон премудрости» в ироническом ключе и отождествлять его с традицией волшебной сказки (см. сказки о спящих богатырях)

В заключении отметим, что анализ стихотворений позволил выявить третью функцию онейрических мотивов ранней лирике Н. А. Заболоцкого. Помимо названных выше сюжетогенной и хронотопической, обращает на себя внимание стремление вызвать у читателя сильное эмоциональное переживание: поэт, воссоздает «физиологическое восприятие сна: дрожание, пульсацию, спонтанные сдвиги» [8, с. 155]. Система художественных приемов, использованная в стихотворении, непосредственно аппелирует к эмоциональной сфере читателя посредством создания многозначных динамических образов, тем самым разрушая логические барьеры и вводя рецептиента в некое изменённое состояние сознания.

Таким образом, мотив сна ранней лирике может быть охарактеризован с нескольких точек зрения. В художественном тексте названный мотив определяет логику развития сюжета и эмоциональное содержание, а также функционирует в качестве хронотопа. С точки зрения индивидуальной авторской поэтики мотив сна выявляет особенности творческого переосмыслиения философско-эстетических взглядов ОБЭРИУ и его стремление передать непосредственное ощущение сна поэтическими средствами, сформировав у читателя особое восприятие. В тоже время особенности использования указанного мотива в ранней лирике Н.А. Заболоцкого демонстрируют устойчивые связи между искусством романтизма и модернизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: / пер. с фр Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
2. История частной жизни Т. 4.: От Великой французской революции до I Мировой войны / пер. с франц. Д. Панайотти. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 672 с. (Серия «Культура повседневности»).

3. Элленбергер Г. Ф. Открытие бессознательного-2. История и эволюция динамической психиатрии. Психотерапевтические системы конца XIX — первой половины XX века/ пер. с англ. В.В. Зеленского. — М.: Академический проект, 2018. — 617 с. — (Психологические технологии).
4. Heinz Politzer/ Arthur Schnitzler: The Poetry of Psychology // *MLN*, Vol. 78, No. 4, German Issue (Oct., 1963), pp. 353–372
5. Силантьев И. В. Теория мотива и проблемы мотивного анализа. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. — 368 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
6. Ханцен-Лёве О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромер, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха. — СПб.: «Академический проект», 1999. — 512 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 20).
7. Белый, Андрей. Петербург: роман в восьми главах с прологом и эпилогом — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Наука, 2004. — 699 с. (Литературные памятники / Российская акад. наук).
8. Громов А. Е. Сюрреалистический язык снов: символизм сновидений в зарубежном авангардном кино 20–30-х годов XX века // Общество: философия, история, культура. 2025. № 7. С. 150–157.
9. Странник О. Сон разума или Иная реальность. М.: — 2016. — 580 с.
10. Заболоцкий Н.А. Столбцы — М: Наука, 2020. — 531 с. (Литературные памятники / Российская акад. наук).
11. Сарабьянов, Д. В Модерн. История стиля — М.: Изд-во АСТ, 2025. — 240 с. — (исследование. Большая подарочная книга).
12. MAXOB A E. *HOSTIS ANTIQUUS*: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. — Москва: Intrada, 2006. — 416 с.
13. Губайдуллина А. Н. Поэзия Федора Сологуба (Принципы воплощения авторского сознания): дис. ... канд. филол. наук — Томск, 2003. — 217 с.
14. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 2: К-Я / Гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Советская энциклопедия, 1988. — 719 с.
15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. / Отв ред. С. М. Толстая — Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2002. — 512 с.
16. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 28 е изд., перераб. — Москва: Мир и Образование, 2019. — 1376 с. — (Новые словари).
17. Ермаков, И. Д. Психоанализ литературы: Пушкин. Гоголь. Достоевский. — М.: Новое лит. обозрение, 1999. — 509 с. (Серия "Филол. наследие").
18. James M. Smith. Concepts of Decadence in Nineteenth-Century French Literature // *studies in Philology*, Vol. 50, No. 4 (Oct., 1953), pp. 640–651.
19. Кривонос В. Ш. Повести Гоголя: Пространство смысла: моногр. — М.: Флинта, 2023. — 420 с.
20. Ляпина Л. Сенсорная поэтика в русской литературе XIX века опыт изучения. — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014. — [2], 169 с.
21. Свет // Азбука веры: <https://azbyka.ru/svet> [сайт]. — 2005. — URL: <http://> (дата обращения: 22.10.2025). Режим доступа: открытый ресурс.
22. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / пер. с нем. Свенцицкой И. С. — М.: Республика, 1996. — 335 с.

Поступила в редакцию 14.11.2025 г.

S. P. Osheiko

THE MOTIF OF DREAM IN THE EARLY LYRICS OF N. A. ZABOLOTSKY

This article examines the functioning of the dream motif in N.A. Zabolotsky's early poetry from the perspective of its plot-generating and chronotopic potential. The relevance of this study stems from the continuing interest in the work of OBERIU representatives in the context of modernist literature studies.

The poems "The Signs of the Zodiac Are Fading" and "Figures of Sleep" serve as the research material. The study utilized a motif analysis method, which allowed us to characterize the relationship of the dream motif with other key motifs and identify its semantics at the paradigmatic and syntagmatic levels of the poems. The use of intertextual and intermedial analysis methods helped clarify the mechanisms and methods for reinterpreting Romantic, Symbolist, and folkloric traditions in the context of N.A. Zabolotsky's early work. Particular attention was paid to elucidating the chronotopic and plot-generating potential of the dream motif, taking into account N.A. Zabolotsky's individual poetics.

The study revealed that the key role of the dream motif in constructing the chronotope and plot of a lyrical work, as well as its ability to actualize the author's individual poetics, is determined by the polysemantic

nature of this motif, which, on the one hand, is a powerful tool for actualizing intertextual and intermedial connections and, at the same time, refers to a mythological context.

Key words: *N. A. Zabolotsky, dream, motif, plot, chronotope.*

Ошейко Сергей Петрович.

Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, РФ.

Магистрант.

E-mail: s.osheiko@g.nsu.ru

Osheiko Sergey Petrovich.

Novosibirsk State University, Novosibirsk, R. F.

Undergraduate student

E-mail: s.osheiko@g.nsu.ru

Шатин Юрий Васильевич.

Новосибирский государственный университет.
г. Новосибирск, РФ.

Доктор филологических наук.

Доцент кафедры теории и истории литературы.

E-mail: shatin08@rambler.ru

Shatin Yuri Vasilievich.

Doctor of Philological Sciences.

Novosibirsk State University, Novosibirsk, R. F.

Associate Professor of the Department of Theory and

History of Literature.

E-mail: shatin08@rambler.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.8. Педагогика:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Методика преподавания русского языка;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректура статей авторам не высылается. Статья присыпается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции: donrus452@yandex.ru.

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент (Student), магистрант (Undergraduate student), аспирант (Graduate student)), место работы, прошу редакцию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452), на обработку моих персональных данных.

3. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 6 до 12 страниц;

- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: вверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: ***М. Н. Иванова***;
- третья строка — официальное полное название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*));
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объемом от 80 до 100 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова (5–7 слов, курсивом)**;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пуща и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по

ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю) **на английском языке**;
- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке**;
 - текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);
 - ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие *сведения об авторах и научных руководителях* (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный).
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел (например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизованных текстов в интернеткоммуникации

Gladkaya N. V. The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя. Авторы научных статей несут персональную

ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталья Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

M. A. Капинская © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. — № 5. — С. 74–85.
2.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

M. A. Kapinosa

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

The article discusses the main functions and the most common mechanisms of creating a creolized text in the field of Internet communication, as well as its impact on the addressee and the influence of logoepistemic units of precedent phenomena on representatives of various linguistic cultures. The relevance of the topic is due to the need to create a system of basic models for the formation of creolized texts in order to more fully study the types of connections (autosemantic and synsemantic) between verbal and non-verbal components, which will allow for a deeper understanding of the nature of the comic effect and the degree of influence on recipients. The study identified the role and significance of visual information in online communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential.*

Капиносова Мария Александровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Kapinosova Maria Alexandrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Gladkaya Natalia Vitaliivna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2025. — № 4 (30)

На русском языке

Технический редактор по направлению 5.8. Педагогика — старший преподаватель
кафедры русского языка Донецкого национального университета
Анна Сергеевна Бурляй.

Технический редактор по направлению 5.9. Филология — канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка Донецкого национального университета
Валерия Александровна Рязанова.